

Максим Виноградов

Тайна Пандоры

18+

Максим Виноградов

Тайна Пандоры

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Виноградов М. В.

Тайна Пандоры / М. В. Виноградов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Трое воинов столкнутся в битве за свои идеалы. Один бьется за любовь, другой за справедливость, третий - во имя исполнения грозного пророчества. Кто окажется сильнее, кому достанется победа и любовь прекрасной Пандоры? Дружба, любовь, долг, честь - не просто громкие слова. Герои книги живут в чудном мире, где дружба выражается делами, а не болтовней; где долг превышает повседневных удовольствий, но даже он не отменяет честь; где можно влюбиться с первого взгляда и пронести чувство через любые испытания.

© Виноградов М. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава №1	5
Глава №2	10
Глава №3	17
Глава №4	24
Глава №5	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Максим Виноградов

Тайна Пандоры

Глава №1

Вэйн занимался грабежом больше тридцати лет. Имел, скажем так, кое-какой опыт в воровском деле. Грабил богатых и бедных, детей и стариков, мужчин и женщин. На дороге и на постоянных дворах, в домах и темных переулках. Разницы, в общем-то, никакой – главное, чтобы денежки перетекали из чужих кошельков в карман к Вэйну с наименьшими усилиями.

Память услужливо рисовала череду счастливых лет, достаток рос год за годом, Вэйн искренне считал грабеж лучшим занятием в мире.

Со временем приемы ремесла стали второй сутью, накопился богатый опыт, грабительские умения значительно выросли, и Вэйн остепенился. Коринф – большой, насквозь пропитанный коррупцией город – принял старого вора, как добропорядочного гражданина.

Очень скоро в Коринфе появилась новая банда, состоящая из уличной шантрапы, что промышляла под мудрым руководством Вэйна. Молодой смышленный паренек по имени Ральф удостоился чести быть личным подмастерьем пожилого грабителя.

Узкий переулок, находящийся совсем неподалеку от главных торговых ворот Коринфа, получил в специфических кругах известность, как «переулок Вэйна», что, конечно, льстило самолюбию старика и служило своеобразным признанием его компетенции и заслуг. Там «работала» только банда Вэйна, и никто другой. Пусть небольшой, зато постоянный поток прохожих-перехожих гарантированно не иссякал. Практически с каждого можно потребовать известную «плату» за «безопасность».

Конечно, городская стража была в курсе происходящего, но Вэйн исправно платил кому нужно, отношения с блюстителями порядка поддерживались исключительно добрососедские. Кроме того, имелось у старика определенное воровское «чутье», благодаря которому банда не перегибала палку, зная, когда можно взять лишнего, а когда стоит остановиться и пропустить очередного купца вовсе без пошлины. Потому Вэйна не тревожили, позволяя делать свой маленький бизнес, пока дела находились в более-менее приемлемых рамках.

Давно уже прошли те времена, когда Вэйн лично выходил с ножом на дорогу и предлагал встречному сделать выбор: кошелёк или жизнь. Теперь под руководством грабителя работала команда, а ему отводилась роль генерала – разрабатывать стратегию и обучать своих подопечных искусству воровского дела.

В самом начале переулка сидел специально подготовленный попрошайка, одноглазый старик Кастро. Хотя один его глаз и выжгли палачи в счет неких старых долгов, зато вторым Кастро видел отменно и замечал много такого, что иной двухглазый пропустит. Задача наблюдателя проста: сигнализировать о приближении потенциальной жертвы и следить, чтобы не увязался «хвост» – попутчик или, не приведи Лучезарный Зевс, охрана.

Такой же пост имелся в конце переулка. Там на стреме сидел Тим – маленький блохастый беспризорник, которого старик подобрал как-то на рынке. Тим был робким и немым от природы, во всяком случае Вэйн ни разу не слышал, чтобы мальчишка разговаривал. Что, впрочем, не мешало пацану выполнять свою часть работы: подавать сигналы о приближающихся прохожих или патрулях.

Получается, что заглянуть в переулок или, тем более, подобраться незаметно непосредственно к месту проведения «разговора» невозможно. Подступы с обеих сторон надежно прикрыты.

Здесь, внутри переулка, незадачливого прохожего встречали: подмастерье Вэйна – молодой Ральф – и туповатый, но исполнительный товарищ с зубодробительным именем, которое, кроме него самого, выговорить никто не мог. Звали его поэтому просто «Костыль».

Двое вежливо останавливали путника и объясняли всю трудность возникшей ситуации, сразу же предлагая возможные варианты ее разрешения. А вариантов тут, сказать по правде, было всего два. Либо бедолага расстанется с определенной частью наличности, внесет, так сказать, добровольное пожертвование на развитие мелкого бизнеса. Либо расстанется со всем имуществом, а заодно и жизнью.

До второго, правда, доходило крайне редко. Вэйн никогда не любил излишней или беспричинной крови, да и долгие объяснения с капитаном стражи – почему это на участке вдруг начали пропадать люди – вовсе ни к чему.

Тем не менее, силовой вариант развития конфликта не исключался. Именно поэтому и требовались еще двое – Ильф и Бормотун – не блещущие умом подручные, зато обладающие недюжинной силой и навыками обращения с ножами. Они появлялись позади жертвы незаметно, пока Ральф развешивал на ушах словесную лапшу. Когда неудачливому путнику в спину вдруг упирались два ножа, он становился гораздо стоворчливее, вопрос оплаты решался буквально в считанные мгновения.

Схема работала без сбоев несколько лет, как хорошо отлаженный часовой механизм. Вэйн оставался более чем довольным, и все чаще старика одолевали думы, что пора бы совсем отойти от дел. Почти все свои навыки он передал Ральфу. Сейчас Вэйн появлялся в переулке очень редко: развеяться, пощекотать нервы. Ну и проверить, как идет дело у подрастающего поколения.

Вот и сегодня был один из тех дней. Вэйн сидел в переулке, в малоприметном месте, старое тело впитывало тепло летнего утра, разум сонливо ожидал появления первых путников. Грабитель с ленивой полуулыбкой смотрел, как солнечный свет пробивается через частокोल глиняных хижин. В дорожной пыли затеяли дружескую драку два воробья, свежий ветерок гонял по воздуху запахи близлежащих булочных, денек обещал быть на удивление приятным.

Кастро подал знак – приближается путник. Вэйн огляделся: все на местах, скрытые в темных нишах. Все знают, что нужно делать, готовы действовать без промедления и лишних размышлений. Ральф кинул на старого грабителя быстрый взгляд, Вэйн успокаивающе кивнул. Хорошо, все хорошо – работаем, как обычно.

Вот и первый, вернее – первая, потому что путником оказалась женщина. С женщинами проще – их легче запугать, убедить расстаться со своим добром. К тому же, женщин не тянет геройствовать, как бывает изредка с некоторыми мужиками, начитавшимися фантастических книжек. Хорошее начало, решил Вэйн, прищурившись.

Едва путница завернула в переулок, как Кастро уже сигнализировал: «Все чисто!». Нет сопровождающих, нет свидетелей, нет стражей порядка. Можно брать.

Вэйн с довольным видом откинулся на деревянную стенку хибары. Любо дорого посмотреть, как ловко сработают его молодцы. Он скосил глаза, взгляд скользнул по приближающейся женщине – оказалось, что это совсем еще юная, молоденькая девушка.

Одета в легкие летние штаны и блузу из полупрозрачного материала. Такое одеяние, широкого свободного покроя, модное в последнее время, с одной стороны скрывает фигуру, а с другой дает фантазии разгуляться. Волосы скрыты легкой повязкой, лицо с красивыми, чуть раскосыми глазами, смотрит смело и беззаботно, ноги летят навстречу приключениям.

Наверняка, много с такой, как она, не поймешь – откуда взяться деньгам? Но вот она сама – другое дело. Вэйн размышлял, наблюдая, как юная путница приближается уверенной упругой походкой.

На севере ценятся темные уроженки Замбии. На юге, напротив, в почете девушки с нежной, бледно-белой кожей, родом из Пруссии или Нормандии. И везде на западе пользуются

большим спросом жительницы востока – с загадочной, чарующей внешностью и пылким характером.

За такую, как эта, один знакомец Вэйна с Нижнего города заплатил бы круглую сумму. Но... ведь ее будут искать. Вэйн бросил еще один оценивающий взгляд. Да, эту – точно будут! Но соблазн велик...

Вэйн поднялся со своего места, намереваясь подойти поближе. Для молодых это знак, что все не так просто, нужно придержать жертву, пока босс разберется.

– Секундочку, мадам! – произнес Ральф, вытянув руки, чтобы остановить путницу.

Девушка чуть качнулась в сторону, ее тонкий стан выгнулся дугой, ступни станцевали замысловатый танец в дорожной пыли, Ральф застыл в изумлении – потому что она неожиданно оказалась у него за спиной.

– Стоять! – Костыль кинулся на девушку, широко раскинув лапищи.

Она плавно и неуловимо быстро приблизилась вплотную к бандиту, его руки сомкнулись, но поймали пустоту. Девушка уже шла дальше по переулку, оставив недоумевающих грабителей ни с чем.

Вэйн остановился, как вкопанный, не сделав и двух шагов. Он смотрел на молодых подельников, застывших с глупым видом, да и у самого от удивления рот открылся. Впрочем, старик моментально пришел в себя, даже смог изобразить возмущение.

– Вы что тут, в салочки играете, придурки? – Вэйн выдавил из себя побольше желчи, – Соберитесь! Следующего берем сразу, без проволочек!

Кастро уже подавал сигнал о новом прохожем, так что Вэйн привычно занял место у стены.

Чутье, с этой девкой чутье не сработало, дало сбой. Вот и сейчас оно молчало. На душе у старого грабителя заскребли кошки, стало как-то тревожно.

Второй путник шел свободной неспешной походкой. Мужчина, едва переваливший рассвет сил, но еще весьма крепкий и статный. Копна темных волос с намеком на седину убрана в хвост, через плечо перекинута туго набитая походная сумка, ни в руках, ни за поясом никакого намека на оружие. По виду монах или еще хуже – философ.

Ральф с Костылем вышли из укрытия, надежно перегораживая проход, путник задумчиво уставился на них, сзади уже крались, держа ножи наготове, Ильф и Бормотун.

– Надо же, попал в западню... Теряю хватку... – мужчина погладил подбородок, осматриваясь, – Ну, что поделать, возможно в этом наше предназначение? Хотя совпадение, что ни говори, странное...

– Дядя, давай-ка помогу сумку нести, – с наглой улыбкой предложил Ральф.

Он потянулся к незнакомцу, но в следующий момент рука грабителя согнулась под неестественным углом, ноги и голова поменялись местами, спина проехала по жесткой поверхности мостовой.

Трое головорезов кинулись на путника, Вэйн резко встал, выхватив из-за пазухи нож.

Он не верил своим глазам. Молодых грабителей, обычно действовавших слаженно и четко, сейчас будто подменили. Они нелепо суетились, неуклюже пытались схватить противника.

Монах сделал широкий полукруглый шаг, двое, смешно семеня ногами, с разгона врезались друг в друга, их лбы соприкоснулись с хорошо слышимым треском. Третий, подхваченный неведомой силой, пробежал вокруг мужчины и, споткнувшись, отправился в долгий полет.

«Все приходится самому делать!» – пробурчал Вэйн, его нож врезался в спину незнакомцу.

Не хватило буквально миллиметра. В последний момент широкая спина противника ускользнула, а сам Вэйн подлетел в воздух. Земля и небо завертелись, сменяя друг друга с не-

роятной быстротой. Сильный удар в спину остановил эту свистопляску. Вейн выдохнул – не было никакого удара – просто многострадальная спина грабителя соприкоснулась с мостовой.

– Ребята, разве вам никто не говорил, что воровать нехорошо? – совершенно серьезным тоном произнес незнакомец, – Ладно молодые люди, но ты-то старик, должен понимать? – противник наклонился к Вэйну, слегка похлопав его по щекам, – А ведь тут мог бы пойти кто-то не такой добрый, как я. К примеру, покалечить вас, а то и убить.

Монах тяжело вздохнул, направляясь дальше, с губ слетел прощальный совет:

– Завязывайте с этим, ребята, серьезно вам говорю! Найдите себе более достойное ремесло.

В дальнем конце переуллка немой Тим проводил философа ошарашенным взглядом. Тот кинул мальчугану мелкую монетку.

Вэйн приходил в себя долго, возраст все же дает о себе знать. И чем лучше становилось его самочувствие, тем большая ярость клокотала внутри.

Его никто никогда так не унижал! Тем более прилюдно, при молодых! Стерпеть оказалось совершенно невозможно. Но что поделать?

– Хватит игр, – зло бросил грабитель, – Следующего кончаем! Хватит разговоров!

Ступни зашаркали по земле, когда он направился к стене, чтобы усесться на груде ящиков. Здесь, за крепкой с виду, но на самом деле трухлявой доской, находился тайный проход, по которому, случись такая необходимость, можно было быстро и незаметно исчезнуть из переуллка. До сих пор такой оказии не случалось, но теперь Вэйн решил устроиться неподалеку. О проходе не знал никто из команды, даже Ральф. Возможно, пришло время ему рассказать.

– Эй, Вэйн! – позвал Ральф.

– Ну что еще?!

– Ты сам говорил, что убивать не хорошо. И что злость – плохой помощник в нашем деле.

– Яйца курицу не учат! Делай, что велят!

Ральф послушно отошел, а Вэйн надулся. Он знал, что не прав, и крик в данной ситуации абсолютно лишний, как и глупая злость, рожденная гордыней. Но поделать с собой ничего не мог, слишком задела за живое неудача с монахом.

«Ничего, сейчас кого-нибудь грабанем и все станет хорошо. Все будет, как раньше!» – думал Вэйн.

Третий путник шел быстро и уверенно. Несмотря на теплую погоду он оделся в кожаный плащ, на лице – угрюмая гримаса, наполовину скрытая скромной бородкой. Грива черных волос развивается сзади, на спине небольшая котомка, руки летают вдоль тела в такт шагу.

Явный северянин, чертов варвар! Вэйн знал таких. Им нипочем ни жара, ни холод; они не знают усталости, могут скакать или бежать целый день; одинаково хорошо владеют любым оружием, да и на кулаках поспорят с кем угодно. Крайне неприятные противники.

Правда, у этого не было никакого оружия. И он один, против пятерых.

Четверых, поправился Вэйн, решив, что сам в драку не полезет ни при каких обстоятельствах. В любом случае неожиданное нападение – ключ к успеху, в чем варвар сейчас убедится. Тихо подкрасться и ударить в спину Ильф умел, как и Бормотун.

Вэйн прислушался, еле слышный писк не давал покоя. А ведь проснулось распроклятое чутье! «Беги! Беги дурень!» – слышалось старику, аж поджилки затряслись, а живот скрутило тугим узлом.

Было в этом северянине что-то... Злость!

Вэйн считал, что полон злости, но глядя на лицо варвара, осознал, что того просто раздирает чудом сдерживаемая ярость, по сравнению с которой эмоции старика – лишь легкое недовольство. Интересно, кто сумел так разозлить северянина и что стало с несчастным после?

Четверо вышли из своих укрытий синхронно, окружая противника со всех сторон. Ральф и Костыль перегородили путь, Ильф примерялся нанести удар, Бормотун крался за ним, страхуя приятеля.

Варвар не остановился, шагая прямоком на Ральфа. Он выбросил вперед руку, его кулак, неожиданно удлинившись на добрый метр, ударил молодого грабителя в голову. Ральф упал, череп лопнул, как перезрелый арбуз, кровь и ошметки мозгов разлетелись по сторонам.

Вэйн совсем ни к месту подумал, как же сильно, оказывается, любил Ральфа. Наверное, как сына. Но теперь он уже ничему не научит паренька. Не покажет тайный проход, не объяснит, как управлять бандой. Не передаст по наследству переулок.

Северянин крутанулся на месте, цепочка кистеня описала дугу, Ильф в страхе отшатнулся, Костыль упал с разбитой головой, когда снаряд вошел ему в висок.

Хорошим парнем был Костыль. Недалеким, зато добрым, отзывчивым. А какой чай умел заваривать, ах!

Бормотун кинулся на врага, но тут же свалился с ножом в горле. С отчаянным криком Ильф пырнул противника, но тот ловко увернулся, цепочка взметнулась вверх, пережав грабителю шею. Быстрое резкое усилие, и тело Ильфа упало рядом с телами подельников.

Все случилось настолько быстро и непринужденно, что Вэйна не покидало ощущение, будто он на представлении цирковых артистов. Вот сейчас они встанут, заключат друг друга в объятия и с поклоном будут ожидать бурных зрительских оваций.

Варвар спокойно вытащил метательный нож из горла Бормотуна, лезвие прошло по одежке мертвеца, очищаясь от крови. Северянин выпрямился, посмотрев на старика.

Только теперь Вэйн очнулся. Он кинулся к проходу, доска отлетела прочь, голова почти нырнула в спасительную тьму. Мощный удар потряс тело беглеца, позвоночник с хрустом надломился, Вэйн взвыл от боли и, к своему стыду, обмочился.

«А ведь монах предупреждал, – подумал Вэйн с запоздалым раскаяньем, – Почти напрямую сказал, что нас убьют!»

Он хотел припомнить что-нибудь светлое и хорошее, но холодная сталь безжалостно полоснула по горлу. Остаток своей жизни Вэйн провел, пытаясь ладонями остановить кровь, мощными толчками вытекающую из артерии.

Немой Тим не стал дожидаться окончания бойни. Он побежал прочь со всех ног сразу, как замертво рухнул Ральф. Бежал долго, пока не свалился от переутомления, сознание едва удержалось в теле мальчика. В переулок Вэйна пацан не возвращался больше никогда.

Глава №2

Таверна под претенциозным названием «Сады Диониса» процветала, поток посетителей в любое время суток не иссякал, а вместе с посетителями в таверне появлялись и деньги. Во многом этому способствовало удачное расположение заведения, но определенная заслуга, безусловно, принадлежала хозяину Садов – дородному Пахомию.

Для Пахомия таверна являлась ребенком, детищем, которое он собственноручно построил и облагородил. Такое отношение не прошло незамеченным – сначала к заведению пришла известность, за известностью последовало процветание.

В большом зале Садов хватало места для всех – любители посидеть возле стойки устраивались на высоких стульях; те, кто пришел подкрепиться, располагались за круглыми столиками, вокруг которых суетливо порхали разносчицы; если же некто искал более уединенной атмосферы и приватной беседы – в их распоряжении имелись отделенные каменными нишами комнатки, предназначенные специально для таких случаев. В небольшом закутке постоянно играли музыканты – Пахомий приплачивал уличным менестрелям за сопровождение, поскольку оно нравилось посетителям. В дальней от входа стене находился большой камин, летом игравший скорее декоративную функцию, хотя и сейчас в нем тлели пара головешек, отбрасывавших красные всполохи на камне.

На втором этаже располагались комнаты, которые Пахомий сдавал постояльцам за известную плату. В его заведении кормились множество ночных бабочек, время от времени одна из них уводила наверх очередного клиента, недостатка в жаждущих никогда не наблюдалось. Хозяин относился к гулящим девушкам снисходительно, с некой брезгливостью и презрением. Но останавливать из-за своего отношения прибыльный бизнес не собирался. Не он, так другой – какая разница? Иначе в этом мире не прожить, если есть спрос – появляется предложение.

К тому же у Пахомия имелось одно золотое правило, которое он всегда неукоснительно соблюдал: ни при каких обстоятельствах не вмешиваться в дела посетителей.

Однажды, очень давно, будучи еще совсем молодым неопытным трактирщиком, он нарушил это правило. Вступился за глупого аркадийского недотепу, которого умелые шулеры буквально раздели, играя в кости, и дело шло к тому, что бедолага будет продан в рабство. Пахомий вмешался и спас глупца, о чем впоследствии неоднократно жалел. Взбешенные головорезы едва не спалили таверну. Трактирщику пришлось выплатить долги бродяги – реальные или выдуманные – из своего кармана. А самое смешное, что аркадиец все-таки получил рабский ошейник: как вскоре узнал Пахомий, едва выйдя из «Садов Диониса», тот уселся играть в другой таверне и, само собой, проигрался в хлам.

Наученный горьким опытом, Пахомий выбил главное правило на внутренней поверхности барной стойки, чтобы всегда находилось перед глазами, осаживая как хозяина, так и работников. Ни во что никогда не вмешиваться! Максимум, что позволял себе Пахомий – послать гонца за стражей, если дело принимало совсем уж скверный оборот.

Сегодня, как и обычно, Пахомий сидел на возвышении, с которого одним взором можно обозреть пространство таверны. Он контролировал все: посетителей, разносчиц, девок, наливальщиков, подавальщиков, кухню. Музыканты старались, выводя заунывную мелодию, сквозь которую хозяин слышал привычные звуки большого зала: приглушенный гул голосов, звон посуды, радостный смех, игривые вскрики девах.

Неподалеку, возле стойки, двое здоровенных парней, несомненных мошенников, окучивали молодую девушку. Одного из них Пахомий знал – мерзкий тип, Мухтар, головорез самого низкого пошиба, из тех, кто мать родную продаст, лишь бы пожить. Второй, очевидно,

его поделщик и телохранитель – явное отсутствие интеллекта, скомпенсированное большими размерами и мощью.

Девушка, почти девочка, юная, непорочная, сразу видно, что никакого опыта в общении с подобными типами у нее нет. Пространные одеяния безуспешно пытались скрыть ее красоту. Попав в таверну, выпила чашку чая и поинтересовалась, можно ли нанять сопровождающего до Афин. Не успел Пахомий рта раскрыть, как возле нее уже вертелся Мухтар, разливаясь соловьем.

Если бы кто спросил мнения Пахомия, то он сказал бы, что брать Мухтара проводником можно разве что надеясь попасть напрямик в Аид. У него на морде написано, что продаст не задумываясь, за пару драхм, а то и дешевле.

«Не с теми ты связалась, девочка, совсем не с теми – думал Пахомий, исподлобья поглядывая на нее, – Впрочем, не мое это дело!»

Он заранее знал, чем все закончится. Сейчас Мухтар потопчется глупышке по ушам, припугнет, а то и применит силу. Никто не отважится помешать, дураков мало. Да и не сможет, если уж на то пошло – у головорезов имелась существенная группа прикрытия. Пятеро бандитов обычно дежурили за столом около входа. Сейчас, правда, двое отсутствовали – наверняка развлекались с девками – но трое оставшихся заинтересованно следили за действиями Мухтара.

Все это Пахомий видел уже не единожды, ничего необычного не происходило. Обыденность, обычная ежедневная суета. Почему же так беспокойно на сердце?

Он еще раз оглядел зал, взгляд поневоле задержался на темноволосом варваре, что поглощал еду за столиком возле камина. Рослый, широкоплечий, как все представители его народа, с едва намечающейся бородой. Одет просто, дорожный плащ и сумка небрежно валяются на соседнем стуле.

Чертов северянин! Пахомий видывал таких. Сильны, глупы, могут пить литрами и не пьянеть; едят, как не в себя, но не толстеют; случается, отказываются платить, зато уж если платят, то щедро, не скупясь на вознаграждение. Беспокойные персонажи.

Пахомий одним движением брови подозвал разносчицу – молодую фигуристую Агнию, что относила заказ варвару – и поинтересовался, уплатил ли северянин за еду и выпивку. Девушка кивнула и, наклонившись к уху хозяина, зашептала. Путник, оказывается, при деньгах; заплатил сразу и Агния видела, что кошелек полон монет почти доверху. Понятно – девушка не против познакомиться поближе, да и, глядишь, заработать несколько монет сверху. Кто ее в этом упрекнет? Не Пахомий точно.

Отпустив разносчицу, Пахомий попытался расслабиться, но что-то по-прежнему мешало. Он стал следить за варваром и, наконец, понял причину беспокойства. Взгляд! Взгляд, который варвар цепко держал на девушке возле стойки.

Пахомия бросило в пот. Неужели это его подруга? Или рабыня? Нет, не может быть – хозяин таверны встряхнул головой, беспокойство немного отпустило. Слишком хороша для северянина. Тем более, насколько знал Пахомий, на севере относятся к женщинам весьма сурово. Если бы девушка принадлежала варвару, она сидела бы рядом и прислуживала господину. Что же тогда, обычный интерес?

Крэг-хан с аппетитом ел, неприязненно разглядывая окружающих. Как же все бесило! Разумом он понимал, что причина злости вовсе не в людях – вокруг обычные посетители, не лучше и не хуже, чем везде – а в том, что варвар оставил далеко на севере. Решение старейшин до сих пор жгло душу Крэг-хана каленым железом, кулаки яростно сжимались, глаза вылезали из орбит в поисках кого-нибудь, на ком можно сорвать гнев.

Те незадачливые грабители, которых он перебил утром, немного спустили пар, но сейчас варвар ощущал, как злость бесконтрольно накапливается в сердце. Стоило ли убивать неумех? Бесспорно, Крэг-хан мог бы их просто раскидать, или переломать руки-ноги. Старику же вовсе

достаточно прописать увесистую плюху. Убивать не обязательно. С другой стороны, варвар не сомневался, что представься такая возможность, любой из грабителей недолго думая всадил бы нож ему в спину. В том числе и старикашка, бывший, скорее всего, главарем банды. Так что получили по заслугам. Да и вообще, если идешь грабить людей, вооруженный ножом, то стоит ожидать, ну хотя бы в теории, что жертва может ответить тем же.

Крэг-хан с наслаждением вспомнил упоение короткой битвой, выражение благодного недоумения на лице молодого грабителя, когда ему в лоб влетел удар кистеня. А этот момент, когда уверенность и наглая бравада на мордах головорезов превратились в страх! Грусть и обреченность на физиономии старика порадовали Крэг-хана, ведь лучшая награда для воина – ужас в глазах врагов!

Впрочем, Крэг-хан не был воином, а старик, если уж разобраться, не был его врагом. В любом случае, содержимое карманов горе-грабителей пополнило кошелёк варвара, начавший было показывать дно. Хоть какая-то польза.

Северянин нахмурился, грива волос встряхнулась, изо рта вырвался недовольный рык. Крэг-хан не привык долго размышлять о том, что уже произошло. Что было – то было, ничего не изменить. Он сделал то, что умел очень хорошо – выкинул из головы мысли о грабителях, словно позабыв об утреннем происшествии.

Взгляд в очередной раз obeжал таверну, Крэг-хан замер с приоткрытым ртом, потому что на этот раз заметил девушку. Юная, хрупкая, маленькая, совсем не такая, как женщины севера. В племени Крэг-хана любая дева вдвое больше этой замухрышки, а в бою поспорит с малахольными греками. Женщины варваров зажигали, их нужно укрощать, ими нужно обладать. Эта девочка будила в северянине совсем другие, неведомые ранее желания. Помогать? Защищать? Есть в ней нечто, что не позволяет отвести взгляд.

Стройная и, безусловно, очень красивая. Лицо доброе, глаза смотрят с изумлением и надеждой. Так ребенок глядит на мир, когда видит его впервые.

Крэг-хан припомнил, как умирал в пустыне от палящего зноя и неожиданно наткнулся на ручей. Первые глотки холодной воды были божественны! И сейчас эта девушка – такой же родник посредине песков, средоточие свежести и прохлады. Конечно, он не пригубил из этого источника, но даже нахождение в непосредственной близости освежало, прочищало мысли свежим ветерком.

Крэг-хан нахмурился, заметив двоих головорезов возле девушки. Ее друзья? Родственники? Лицо варвара озарила недобрая усмешка. Нет, не может быть у чистой и прекрасной незнакомки таких друзей. Она не из тех, кто якшается с подобной мразью. А раз они не друзья, то, верно, замыслили недоброе.

Девушка вскрикнула, попытавшись отстраниться, мужчина грубо схватил за руку, не давая сдвинуться с места. С удивительной ловкостью незнакомка вырвалась, но отступить некуда – в спину уперлась барная стойка. Блеснула сталь, головорез засветил нож. Громилы надвигались, один принялся что-то втолковывать со злым выражением на морде. Крэг-хан не слышал, что именно он говорит, но прекрасно видел, как щека девушки перекосилась от страха.

Больше варвар не размышлял, он привык действовать по велению сердца. Сейчас все естество кричало – спаси ее! – а дальше будь что будет. Взор северянина перепрыгнул с девушки на головорезов, место теплоты заняла ледяная стужа, губы перекосила яростная ухмылка, кулак сжался, ладонь ухватила за бутылочное горлышко.

Пахомий наклонился над столом, заноса на восковую табличку указания поставщикам. Он старательно делал вид, что происходящее у стойки его не касается. Голос Мухтара повысился, грабитель схватил девушку за руку, не давая ускользнуть. Бедняга бросила на Пахомия просительный взгляд, Мухтар лишь засмеялся, одернув ее.

– Никто тебе не поможет, дуреха! – рявкнул грабитель, – Тем более старина Пахомий! Не так ли?

Пахомий опустил глаза, ему было стыдно. На душе – препаршивейше и препоганейше. Но что он мог поделать?

«Не мое это дело, – твердил про себя хозяин таверны, – Я никогда ни во что не вмешиваюсь!»

Девушка еле слышно вскрикнула, в этот миг музыканты как раз закончили играть, взяв небольшую паузу. Привычная какофония звуков успокоила слух Пахомия. Скоро прекрасную незнакомку уведут прочь и поводов для беспокойства больше не будет.

Жух-жух-жух! Непривычный звук заставил поднять глаза. Что бы это могло быть? Давно Пахомий не слышал ничего похожего. Такой звук могла бы издавать... летящая вращающаяся стеклянная бутылка!

Снаряд со звоном разбился о голову Мухтара, тот рухнул на пол с проломленным черепом. Разноголосица тотчас умолкла, головы синхронно повернулись в сторону, откуда прилетела бутылка.

Варвар неторопливо выбрался из-за стола, могучая фигура распрямилась. Камин выдал последние остатки жара, стрельнули искры, отсалютовав северянину. На фоне догорающего костра силуэт выглядел особенно колоритно, он будто стал вдвое выше, плечи раздались в стороны, взгляд пронзительных голубых глаз не сулил ничего хорошего.

В наступившей тишине очнулись музыканты, заиграл заунывный боевой марш. Варвар не спеша пошел к стойке. Специально ли он так задумал, или то получилось случайно, но шаг попадал точно в ритм музыке, усиливая и без того небывалый эффект от появления.

Пахомий смотрел во все глаза. На миг показалось, что сам Арес спустился с Олимпа, чтобы навестить его скромную таверну. Трактирщик приподнялся со стула, неведомое доселе стремление сразиться со злом проникло в душу. Прямо сейчас Пахомий готов был последовать за варваром, помочь в битве, прикрыть спину.

Северянин подошел и мираж рассеялся. Конечно, никакой это не Арес, обычный злой агрессивный варвар, которому не терпится помахать кулаками. Зад Пахомия опустился обратно на стул, он нервно выдохнул. Рука шевельнулась, подав тайный знак, мальчуган-голец сорвался с места, умчавшись за стражей.

– Варвар! Ты кем себя возомнил! – заорал второй головорез, ставший возле валяющегося Мухтара, – Клянусь Гераклом...

В чем он хотел поклясться никто не узнал, потому что кулак северянина взметнулся к челюсти головореза. Раздался отчетливый хруст, голова бандита резко дернулась назад, глаза закатились, тело обмякло и свалилось аккурат поверх Мухтара.

– Как тебя зовут? – Крэг-хан повернулся к испуганной девушке.

Та лишь отпрянула назад, вжавшись в дерево стойки.

– Ты что, немая? – в ответ девушка тряхнула волосами, по-прежнему не произнеся ни звука.

В зал, наконец, вернулся гул голосов, посетители принялись усердно обсуждать потасовку. Трое головорезов поднялись из-за стола, с решительным видом направившись по направлению к поверженным поделщикам.

– Ты понимаешь, что я говорю? – Крэг-хан поглядел на девушку с сомнением.

Она кивнула, варвар довольно хмыкнул, рука северянина скользнула за спину, в ладони сверкнуло лезвие ножа.

– Пожалуйста, не убивай никого! – протараторила девушка, положив ладошку на предплечье мужчины.

Крэг-хан удивился просьбе. Что еще за блажь? Эти трое идут сюда не разговоры разговаривать, да и ножи у них не для еды. Разве что мясо разделявать. Почему же он не должен

убивать? И как, черт побери, нужно их утихомирить? Может, вежливо попросить убратся восвояси? Вряд ли сработает.

Девушка качнула головой, подняв глаза на Крэг-хана, их взгляды встретились, в голове варвара внезапно прояснилось, ярость покинула сердце, злость выплеснулась с выдохом, осталось только ощущение тепла и спокойствия. Он не хотел больше драться или, тем более, убивать. Хотелось одного – взять девушку за руку и уехать далеко-далеко, туда, где можно построить дом и жить, не опасаясь лихих людей.

Но лихие люди уже здесь, рядом. Встретиться с ними придется прямо сейчас, не откладывая.

Крэг-хан резко повернулся, массивный стул вспорхнул в руку, как перышко. Стул пронесся по воздуху, обрушился дубиной, бандит не успел закрыться, лишь издал жалобный писк, когда тело встретилось с деревом.

Второй головорез прыгнул вперед, наткнувшись на удар ноги. Варвар влепил пинок такой силы, что бедняга пролетел несколько метров, прежде чем пустой стол остановил движение.

Последний противник взмахнул ножом, Крэг-хан отпрыгнул, но недостаточно быстро. На груди варвара появился порез, кровь окрасила ткань рубахи. Ободренный успехом, бандит сделал длинный выпад, надеясь попасть живот. Крэг-хан прынул, изогнувшись, рука перехватила удар, вторая обрушилась сверху. Звук ломаемой кости смешался с воплем боли. Замахнувшись, варвар опустил пятку сапога в колено противнику. Громкий хруст, неестественно выгнутая конечность и еще более жуткий крик. Противник свалился на пол, отбросив нож и все мысли о нападении.

Крэг-хан обернулся, девушка пятилась, маленькие ладошки сжались, закрыв лицо, в глазах плескался бесконтрольный ужас.

– Я не убил его, – пробормотал Крэг-хан, нагнувшись над вопящим бандитом, чтобы забрать оружие, – Что смотришь? Не бойся!

– Ты очень жестокий! – выдавила девушка.

Жестокий... Эти слова он уже слышал раньше, из уст старейшин. Тогда они показались Крэг-хану комплиментом, но теперь его словно по сердцу резали. А как иначе? Это бой! На кону была жизнь, в том числе и маленькой девчушки.

Крэг-хан огляделся. В зале ничего не изменилось – посетители сидели на своих местах, оживленно обсуждая схватку; разносчицы скукожились было за стойкой, но видя, что им ничего не угрожает, принялись снова подавать напитки; поверженные противники копошились на полу, не в силах подняться; трактирщик, сидевший неподалеку, встал со стула и подошел ближе, протянув северянину чистое полотенце.

Варвар протер тряпкой кровь на груди – суцая царапина, а льет, будто полтуловища отрубили.

– Принеси вещи! Мы уходим! – он кивнул на свой столик в другом конце зала.

Девушка, на секунду замешкавшись, засеменила выполнять поручение. Крэг-хан еще раз промокнул рану и бросил испачканное полотенце хозяину.

– Что ж ты, трактирщик, допускаешь к себе всякое отребье? – спросил он Пахомия.

Тот сжался, не зная, что ответить, но ответ и не требовался. Варвар повернулся спиной, игнорируя хозяина заведения.

Пахомий уже жалел, что хоть в чем-то помог северянину. И что на него такое нашло? Есть же правило! Варвар сейчас уйдет, а хозяину таверны предстоит неприятное объяснение с Мухтаром и его прихвостнями.

Дверь таверны распахнулась, впуская внутрь отряд стражи.

«Ну конечно, – печально подумал Пахомий, – Явились, когда все уже кончено!»

Но взглянув на северянина, Пахомий вдруг понял, что ничего еще не закончилось. Никуда он с ними не пойдет, ничего и никому не будет доказывать, объяснять. А бравые вояки тоже просто так не отпустят, не имеют права. Они должны задержать и разобраться.

Пару секунд воины осматривались, двое встали у двери, трое рассредоточились вдоль прохода. Командир отряда бегло глянул на Пахомия, на поверженных бандитов. Наконец, его взгляд остановился на варваре.

– Стой где стоишь, парень! И держи руки подальше от оружия! – скомандовал стражник. Северянин фыркнул, нож медленно скатился с ладони на барную стойку.

Пахомий подумал, что, возможно, не такой уж варвар и дикий. Может быть, все закончится благополучно.

Входная дверь хлопнула еще раз, небольшой сквозняк пронесся по залу. На пороге появился человек в доспехе из темной кожи. Увидев его, Пахомий задрожал, он узнал посетителя. Капитан патруля глянул назад, его тело тут же изогнулось в почтительном поклоне. Остальные стражники последовали примеру своего начальника. Музыка смолкла, голоса затихли, через секунду воцарилась полнейшая тишина. Один Крэг-хан смотрел на мужчину без страха и почтения, ограничившись легким недоумением.

– Знаете кто я? – голос вошедшего прозвучал громогласно, хотя он едва приоткрыл рот.

– Да, господин, – ответил капитан, не разгибаясь, – Достопочтенный Эсхин Сикионский...

Мужчина кивнул, не поворачивая головы, прошел мимо стражников, взгляд Эсхина остановился на Пахомии, мелкая дрожь заколотила трактирщика.

– Я ищу девушку. Темноволосая, небольшого роста, легко одетая. Где она?

Пахомий, будучи не в силах ответить, скосил глаза на северянина. Только теперь Эсхин обратил внимание на варвара.

– Где девушка? – повторил он.

Крэг-хан уставился на мужчину, не понимая, почему все его так боятся. Ну да, выглядит внушительно, но видывал варвар мужиков и побольше! Не понравился северянину этот тип. Жесткий голос, явно привыкший повелевать. И цепкий, холодный взгляд убийцы. Крэг-хан скосил глаза и, к своей радости, не увидел и следа давешней девицы. Как, кстати, и своих вещей.

– Она там, где тебе ее не достать, – с веселой ухмылкой ответил Крэг-хан, и, чуть подумав, добавил, – Козел!

Он и сам бы не мог точно сказать, зачем оскорбил вошедшего. Наверное, потому, что тот искал девушку, а Крэг-хан вольно или невольно принял на себя обязательство по ее защите. К тому же опять почуял поднимающуюся изнутри ярость, готовность к бою, жажду победы.

Эсхин нарочито медленно шагнул к северянину, Крэг-хан напряжился, тело приготовилось к драке. Тишина стала еще более всеобъемлющей. Дуэль взглядов между варваром и темным мечником по напряжению далеко переплонула всю предшествующую схватку с бандитами.

Скрипнула половица, треснула полена в очаге, звякнула неосторожно задетая посуда. Ноги трактирщика отказались держать, Пахомий нелепо сполз под стол.

И это послужило сигналом.

Крэг-хан молниеносно вскинул руку, кистень вырвался из ладони, устремившись к лицу противника. Мало кто мог бы увернуться, если не ждал чего-то подобного, но Эсхин сумел. Голова мечника отклонилась в сторону, кистень прошелся рядом, чиркнув по боковине шлема.

Варвар крутанулся; цепочка просвистела, набирая скорость; гиря обрушилась на врага. Эсхин вскинул руку, легко схватив цепь в воздухе.

Крэг-хан разъярился. Среди своих соплеменников он знал парочку, способных провернуть подобный трюк, но чтобы грек!? Это уж слишком!

Он ударил ногой, метя в грудь, но с тем же успехом мог бы бить по каменной стене. Ступня отскочила, не нанеся врагу видимого урона.

Теперь атаковал Эсхин. Он дернул цепь на себя, варвар нелепо мотнулся вперед, налетев на кулак мечника. Еще дважды рука поднималась, кулак обрушивался на голову северянина. Затем Эсхин оставил в покое цепь, ступни сделали подшаг, локоть впечатался в лицо противника. Варвар надсадно выдохнул и рухнул на колени.

Заняв устойчивую позицию, Эсхин размахнулся, кулак мелькнул и врезался в висок северянина. Крэг-хан повалился без чувств.

Не то чтобы мечник хотел убить, скорее наоборот. Молодой варвар порадовал своей смелостью, неприятием авторитетов. Напомнил самого себя в молодости. Но любому бойцу нужно знать предел – теперь варвар знает свой. Повезет – выживет, а нет... что ж, такова плата за дерзость.

Эсхин развернулся, окинув взглядом так и не шевельнувшуюся публику.

– Так где девушка? – вкрадчиво спросил он.

Глава №3

Небольшая Стигийская площадь Коринфа под вечер заполнялась народом. Обычно здесь пусто, ведь нет питейных заведений, отсутствуют бордели и театры. Деловой центр города далеко. По периметру площади расположились несколько магазинчиков самого различного пошиба: кто-то торгует тканями, другой – картинами, третий – медными украшениями. Но сегодня на площади многолюдно: толпа собралась, чтобы посмотреть на казнь.

Посредине площади соорудили деревянный помост, поверх него возвышался обрубленный столб, рядом красовалась плаха. На небольшом чурбачке восседал северянин. Руки и ноги стянули бечевкой, туловище в двух местах прихватили к столбу. Впрочем, несмотря на неудобную позу и стесненные обстоятельства, варвар держался на помосте, как на троне: спина гордо выпрямлена, голова поднята, взгляд устремлен поверх зевак.

Желающих посмотреть на расправу нашлось немало, народ во все времена любил кровавые зрелища. Несколько стражников лениво прохаживались возле помоста, не позволяя празднующимся подходить слишком близко. Неподалеку от варвара, на внушительном стуле сидел палач: могучий дядька в черной одежде и маске. Он мрачно оглядывал толпу, руки то и дело проводили точильным камнем по кромке огромного топора, острота которого и без того не вызвала сомнений.

Толпа волновалась, толпа жаждала крови. Раздавался смех, улюлюканье, то и дело кто-то запускал в обреченного камнем. Поначалу собралось человек пятьдесят, но постепенно стягивалось все больше народа, и сейчас на тесной площади толпилось уже несколько сотен горожан.

Торговец Паллант поглядывал на толпу с осуждением. Он никогда не понимал любви к кровавым зрелищам, по мнению торговца гораздо интереснее посмотреть на произведения искусства, к коим он, конечно, относил и свой товар. Ну или, коли уж так хочется крови, так для этого есть спортивные состязания. А казнь... когда один человек лишает другого жизни... омерзительно.

И вот ведь парадокс: народу на площади целая толпа, но никто даже не посмотрит на прилавок Палланта! Ни единая живая душа! А ведь у него можно приобрести лучшие украшения в Коринфе. Ну хорошо, положи руку на сердце – не самые лучшие. Но зато по какой цене! Уж по соотношению цены и качества его лавка не уступит ни одной другой, в этом Паллант уверен. Но нет, взгляды зевак прикованы исключительно к бедолаге, чья голова в скором времени отделится от тела.

Торговец посмотрел на северянина. Порванная рубаха; под обрывками видны напряженные мышцы, перетянутые сухожилиями; пучки темных слипшихся волос откинuty назад; отрешенный взгляд блуждает где-то далеко. Паллант знал таких варваров. Дикие, необузданные, вспыльчивые. Но в то же время – справедливые, великодушные. И чего уж точно не отнять – разбираются в красоте.

Был у Палланта определенный тест, своеобразная шарада или, если угодно, проверка на вшивость. Среди побрякушек, сверкающих стеклянными камнями и фальшивым золотом, он выкладывал иногда простую серую металлическую цепочку. Она была ничем не примечательна, кроме неимоверного мастерства, с которым мастер ее создал. Каждое миниатюрное колечко, загнутое определенным образом, умелец украсил собственным орнаментом. Значение рисунков кануло в лету вместе с неизвестным искусником, но красота осталась. Правда, чтобы ее разглядеть, требовался зоркий глаз и чуткое сердце. Почему-то Паллант не сомневался: варвар выберет бы из всего товара именно эту цепочку.

Тень упала на прилавок, статный мужчина остановился, бегло разглядывая товар.
– Доброго вечера, торговец!

– И вам того же, досточтимый! – учтиво кивнул Паллант, – Желаете что-нибудь приобрести?

Взгляд мужчины пробежался по разложенным побрякушкам.

– Не обижайся, торговец, но я не вижу ничего, достойного внимания... Разве что... вот эта вещица.

Наклонившись, покупатель аккуратно потянул на себя заветную железную цепочку Палланта. Сердце торговца сжалось, глаза удивленно распахнулись. Он заново внимательно осмотрел прохожего.

Свободная одежда, что подошла бы монаху; крепкое телосложение, подобающее воину; седина в темных волосах, собранных в хвост; задумчивое выражение на мужественном лице.

– Занятная вещица, – повторил незнакомец, пока цепочка крутилась перед его глазами, – Сделана истинным мастером.

– И стоит немалых денег, – мрачно вторил ему Паллант.

Монах хитро улыбнулся, подкинув украшение в ладони.

– Правда в том, торговец, что ты не хотел бы расстаться с ней ни за какие деньги, – заключил мужчина.

Палланта огорошило это заявление. Прислушавшись к себе, он понял, что незнакомец прав. Но как ему удалось прочитать в душе Палланта то, что торговец сам до сих пор не понимал? Неужели этот монах ясновидящий? Паллант принуждено нахмурился, грустно вздохнув.

– Я – торговец, – проговорил он с тяжелым сердцем, – И раз вещь лежит на прилавке, значит это товар. Покупай, коли готов выложить достойную цену!

Монах примиряюще поднял руки.

– Будь у меня жена или дочь, я без сомнения так и сделал бы, – мужчина бережно положил цепочку на прилавок, – Но, к сожалению, я одинок, а значит эта прелесть мне ни к чему.

Паллант с облегчением выдохнул.

– Кто знает, может совсем скоро ты встретишь ту, кому захочешь сделать достойный подарок?

– Кто знает... – мужчина непринужденно рассмеялся.

Между тем народ на площади все прибывал, обстановка потихоньку накалялась, гневные выкрики призывали поскорее приступить к казни.

Монах повернулся, оценивающим взглядом окинув помост.

– Глупцы, – еле слышно проговорил он, – Неужели не понимаете, что любой из вас легко может оказаться на его месте? И что-то я сомневаюсь, что любой примет свою участь с таким достоинством.

Темноволосый варвар сидел ровно, полностью игнорируя как оскорбительные выкрики, так и удары брошенных камней.

– Ты знаешь, что это за человек? – обратился монах к торговцу.

– Из северных племен, – Паллант пожал плечами, высказав очевидное.

– Да, я встречал таких раньше, – задумчиво бросил прохожий, – В основном – достойные люди. Вполне разумные и поддаются обучению, хотя предпочитают исключительно практические знания, полностью пропуская теорию мимо ушей.

Паллант не нашелся, что ответить. Он и сам предпочитал практику, считая теоретизирование уделом никчемных философов, которые ничего больше в жизни не умеют.

– А в чем его вина, не подскажешь?

– Устроил драку в таверне. Говорят, покалечил нескольких головорезов.

– Великий Зевс! Куда катится этот мир... – монах сокрушенно покачал головой, – В мое время за драку в таверне ни то что не казнили, никто и стражу вызывать не подумал бы! Ну, сошлись лихие люди, выяснили, кто круче, выпустили пар. Разве же это преступление?

– Сказать по-честному, я был тогда в таверне и все видел, – Паллант неожиданно для себя самого разоткровенничался, – Варвар не просто так ввязался в драку, он защищал юную деву.

– А! Значит пострадал из-за женщины! – монах взглянул на северянина с явным одобрением, – Тем более! Почему же схватили его, а не тех, кто покушался на даму?

– Не все так просто, досточтимый, – продолжил Паллант уже несколько тише, – Дело в том, что варвар схватился с самим... – тут торговец заговорил почти шепотом, – с самим Эсхином!

Мужчина нахмурился, рука задумчиво погладила подбородок.

– Эсхин Сикионский, правильно? – уточнил он, – Тиран, именуемый не иначе как Темный Мечник.

Паллант закивал, он и сам уже был не рад, что ввязался в этот разговор. Есть вещи, которые лучше не произносить вслух, особенно громко, чтобы не накликать беды.

Мужчина, меж тем, глубоко задумался. Губы бормотали невнятные слова, руки жестикулировали, он словно раздвоился, приводя себе доводы «за» и «против».

– Эсхин, – пробормотал он, наконец, – Я встречался с ним раньше. И вот судьба свела нас вновь. Может быть, это знак? – монах весело посмотрел на Палланта, – Скажи, торговец, ты веришь в предназначение?

– Я верю, что все в руках Богов, – осторожно ответил Паллант, не желая раздражать мужчину, но и опасаясь, как бы слова не обернулись против него самого.

– Как ты считаешь, угодно ли Богам, чтобы мы помогли достойному человеку? – прохожий кивнул на помост.

– Э-э-э... как же... чем же... я могу... помочь? – тихо-тихо промямлил торговец, больше всего желая провалиться сквозь землю.

– Ну, например, нет ли у тебя за прилавком хорошего ножа? – монах наклонился, взглянув прямо в глаза Палланту.

Крэг-хан сидел неподвижно, придав лицу выражение полнейшего безразличия, хоть это и далось с трудом. Голова раскалывалась, в висках стучала кровь, болели кулаки, а еще неимоверно чесалась рана, оставленная ножом на груди. В сердце klokотала ярость. Он слегка скосил взгляд на беснующуюся толпу, презрительная улыбка тронула губы.

Варвар готов был сразиться в поединке с каждым на площади, по очереди. Он уверен, что победит, потому что взор не выделил в толпе ни единого умелого бойца. Да что там, Крэг-хан с удовольствием бросился бы в самую гущу народа, чтобы умереть в бою! Конечно, его быстро растопчут, но несколько жизней варвар точно забрал бы на тот свет с собой. А в его племени такая смерть считалась самой достойной для воина. Вот только воином он так и не стал.

Крэг-хан поморщился от воспоминаний.

Палач подошел к своей жертве, оценивающий взгляд упал на ноги варвара. Сапоги неплохие, но вот размерчик мелковат. Ну ничего, все равно нужно снять после казни. Проще обыскивать мертвых людей.

Крэг-хан сплюнул, пытаясь попасть в палача, но тот стоял слишком далеко. Подонок уже забрал себе вещи северянина: кистень и метательный нож. Теперь вот примеривается к обуви. В племени Крэг-хана даже преступников хоронили вместе с их имуществом. Считалось, что оружие поможет им в загробном мире. А у греков, похоже, ничего святого.

Отчаяние захлестнуло варвара, он дернулся, вены на руках вздулись, мышцы напряглись в попытке разорвать путы, но веревка держала надежно. Крэг-хан не страшился смерти, хотя и любил жизнь. Но вот перспектива умереть связанным, как грабитель или насильник – удручала.

Он давно уже не обращал внимание на прилетающие камни. Большая часть пролетала мимо, хотя несколько ощутимых ударов северянин все же получил.

«Они не ведают, что творят – думал Крэг-хан, – Глупые дети и убогие родители!»

Перед мысленным взором красовался путь в Вальхаллу, он гадал, сможет ли попасть туда. По всему выходит, что нет. Путь в обитель героев открыт лишь тем, кто умер сражаясь, погиб с честью. А не тем, чью голову срубил неумеха-палач.

Чувствительный удар камнем пришелся в живот северянина, торжествующие крики толпы отметили попадание. Крэг-хан сдержался, ему удалось даже не поморщиться. Он не доставит своим врагам удовольствия. Взор варвара устремился в небо поверх голов.

Сразу несколько новых камней взвились в воздух. Садящееся солнце отразилось от одного из них, пущенного умелой рукой издалека, от самого дальнего края толпы. Крэг-хан резко напрягся, сосредоточившись. Глаз не обманул: так бликовать на солнце мог только металл.

Варвар наклонил голову вбок. Нож преодолел солидное расстояние по пологой траектории, дерево застонало от удара. Лезвие впилося в то место, где только что находилось левое ухо северянина, клинок на добрую ладонь вошел в столб, ибо такова была сила броска.

Мгновенно сориентировавшись, Крэг-хан вскинул связанные руки. Резкое усилие, боль от соприкосновения с холодной сталью – разрезанная веревка упала на помост, руки варвара освободились.

В толпе раздалась возмущенные выкрики и улюлюканье, но никто из стражников пока не понял, в чем дело. Крэг-хан попытался выдернуть клинок, но лезвие застряло намертво. Тогда варвар принялся лихорадочно расстегивать ремни, что притянули его к столбу.

Палач первым заметил неладное, раздался громкий оклик, топор взлетел, перехваченный двумя руками. Он шагнул к столбу, но в этот миг Крэг-хан победно вскрикнул: последний ремень упал на доски, варвар освободился.

Палач бросился к варвару, занося топор для удара. Крэг-хан вскочил, ноги все еще оставались связанными. Вместо того, чтобы убежать, северянин прыгнул навстречу противнику. Словно в детской игре, он сделал два подскока, потом последовал мощный толчок, тело сгруппировалось в полете, руки откинулись назад, ступни с силой ударили врага в грудь. Крэг-хан с наслаждением услышал треск сломанных ребер; его противник, опрокинутый сильным ударом, свалился с помоста. Варвар упал на спину, голова едва не приложилась о доски, дыхание сбилось, воздух с шумом вышел из легких. Только теперь стражники повернулись к помосту и осознали, что происходит.

Крэг-хан напрягся, мышцы изогнулись дугой, он вскочил на ноги, изящный кувырок перенес варвара к его вещичкам, лежащим неподалеку.

С торжествующим криком северянин схватил нож, лезвие тут же принялось кромсать бечевку, стягивающую ноги. Стражники, один за другим, карабкались на помост, но тут блюстители порядка застыли в нерешительности.

Крэг-хан полностью освободился от пут, на его лице появилась довольная усмешка, из горла вырвался яростный рык. Все-таки боги ему благоволят, появился шанс умереть, как подобает, в бою!

– Идите сюда и умрите! – прорычал варвар, стражники попятились.

Фигура северянина источала такую ярость, что ей сложно было противостоять. В правой руке скрутился в ожидании кистень, в левой легко танцевал нож. Обрывки рубахи слетели прочь, голый торс лоснился от пота, крови и пыли. Ноги напряжились, руки разошлись шире, Крэг-хан приготовился подороже продать свою жизнь.

В дальнем конце площади раздался громкий свист, из темного переулка на простор вылетели два великолепных жеребца, несущихся во весь опор. Впереди мчался быстроногий вороной, на спине вцепился в сбрую женский силуэт, скрытый широким плащом. Второй конь скакал следом без седока.

Началась давка, толпа раздалась в стороны, люди волей-неволей расступились перед несущейся двойкой.

Издав яростный крик, Крэг-хан бросился на противников. Одного толкнул плечом, второй оступился и скатился с помоста, третий упал, сраженный ударом кистеня. Двое бросились на северянина сзади, но он быстро промчался к краю помоста, перепрыгнув через плаху.

Наездница осадил коней, ее жеребец встал на дыбы, но девушка умело удержалась в седле. Крэг-хан, не думая останавливаться, прыгнул.

Дикая, великолепная картина застыла перед глазами зрителей. Крики стражников, оставшихся ни с чем; развивающиеся на ветру волосы варвара; тело, распростертое в полете; цепочка кистеня, обвивающая мощное предплечье; люди, спешащие убраться прочь от копыт скакунов; солнце, посылающее последние лучи на город.

Через секунду варвар оказался в седле, кони сорвались в бешеный бег. Еще через пару мгновений двое скакунов исчезли в одном из боковых проходов. На площади остался хаос, недовольная толпа, требующая непонятно чего, унылый палач, держащийся за грудь, и куча стражников, не сумевших выполнить свою работу. Командир стражи кинулся за беглецами, но здравый смысл остановил – преследовать наездников пешком глупо.

В дальнем конце площади Паллант торопливо собирал товар, заноса его внутрь лавки. Он опасался возможных беспорядков, как и того, что его роль в бегстве варвара может быть обнаружена. Оpoznать принадлежность ножа невозможно, но... береженого боги берегут!

– Вот видишь, торговец, пути Богов для смертных непостижимы! – монах, оказывается все еще ошивался возле прилавка, – Только лишь с моей помощью варвар бы не спасся. Но и без нее он не выбрался бы на волю.

Паллант посмотрел на мужчину крайне неодобрительно. Дело не в том, что он помог северянину бежать, такой поворот событий торговцу даже понравился. Но вот рассуждать об этом лишний раз не следовало, тем более возле магазина Палланта.

Поняв настроение торговца, прохожий улыбнулся.

– Добрых снов, торговец, – монах поклонился, отступая назад, – Когда будешь ложиться спать, подумай вот о чем: сегодня ты помог хорошему человеку!

Паллант открыл было рот, чтобы ответить, но странный прохожий уже ушел. Он растворился в толпе, сумерки скрыли его перемещения. Паллант едва заметно хмыкнул, ставни магазина закрылись, шелкнул железный замок, торговец с довольным видом поплелся домой. День прошёл не зря.

Крэг-хан оглядывался, но погони видно не было. Конь летел вслед за своим собратом, где в седле уверенно держалась спасительница варвара. Сначала они неслись что есть мочи, потом девушка сбавила ход, теперь кони шли легкой рысью. Девушка провела через несколько проходных дворов, позади остались лабиринты трущоб, несколько раз беглецы пересекали широкие улицы, тут же укрываясь в слабоосвещенных проулках. Наконец, девушка остановила своего жеребца, ноги мягко спружинили, когда наездница спрыгнула на землю. Северянин последовал ее примеру.

– Я Крэг-хан. А как твое имя? – мягко спросил варвар.

– Пандора, – еле слышно ответила девушка.

– Спасибо, что помогла мне.

– Не за что. Вот, возьми. Твой плащ и сумка.

Крэг-хану стало неудобно. Никогда раньше он не робел перед женщинами, но сейчас язык заплетался, речь стала отрывистой и грубой. Варвар ощутил себя косноязычным дураком, абсолютно не представляя, что сказать.

Северянин покопался в сумке, в руках появилась чистая рубаха, тут же одетая на голый торс. Пандора поежилась от прохладного ветерка, Крэг-хан протянул плащ.

– Оставь себе, а то вся дрожишь, – он неумело помог девушке закутаться в кожу, – Куда теперь?

Пандора огляделась.

– Мы должны вернуть коней.

– Мы... что?! Что мы должны сделать?

– Я взяла коней на время, – девушка заметно покраснела, – А теперь мы должны их вернуть.

– Ты их украла.

– Нет! Я не воровка! – ее лицо суксилось, варвару показалось, что девушка сейчас заплачет, – Давай их вернем. Пожалуйста...

Ничего глупее Крэг-хан в жизни не слыхивал. Конечно, милая девочка украла превосходных скакунов, и гордиться тут особо нечем. В племени варвара воровство не считалось почетным занятием, а конокрадов и вовсе презирали. Но на что только не пойдешь ради достойной цели! А спасение его, Крэг-хана, было, несомненно, именно такой целью. Впрочем, дело сделано, кони, по всем понятиям, принадлежат теперь им – девушке и Крэг-хану. Возвращать их бывшему владельцу – сущая несуразица! Зачем Пандора рвется расстаться с превосходными скакунами, на чем она планирует передвигаться дальше – этого северянин никак не мог уразуметь.

Он посмотрел в глаза девчужке – слезы готовились потечь по бледному личику, сжатые губы подрагивали, волосы выбились из-под повязки и небрежно растрепались. Варвар подумал, что это будет самым печальным зрелищем в мире – если Пандора заплачет. Ему захотелось обнять ее, согреть, успокоить. Но вместо этого он повернулся, похлопав скакуна по холке.

– Хорошо! – решил Крэг-хан, – Веди!

Пандора ухватила коня под уздцы, скакун послушно зашагал за девушкой, второй увязался следом.

Крэг-хан плелся позади, проклиная свою непонятно откуда взявшуюся мягкость. Он обзывал себя слабохарактерным дураком, голос в голове ехидно вопрошал – с каких это пор женщина указывает воину куда идти и что делать? Ответ выплыл из подсознания – может быть, все дело в том, что ты не воин? Он зло сплюнул, приказав себе поменьше размышлять о всякой ерунде.

Вскоре девушка свернула в темный проулок, на который выходил задний двор богатой усадьбы. Ловко просунув худую руку между досок, Пандора отворила тяжелую калитку, заведя коней внутрь. Неподалеку от входа находилась конюшня, девушка зашагала в ее сторону.

– Конюх – старый человек, – виновато прошептала она, – За лошадьми ухаживает отменно, но увести их оказалось совсем не сложно.

Крэг-хан завел скакунов в стойла и, повинувшись внезапному порыву, принялся снимать с них амуницию. Когда кони были расседланы, в ход пошла щетка, а после пришел черед тряпки. Наконец, скакуны оказались вычищены и высушены. Пандора молча наблюдала за действиями мужчины.

– Я совсем не умею ухаживать за лошадьми, – виновато произнесла она, – Ты научишь меня?

– Может быть, – Крэг-хан кивнул, – Поговори с ними, угости чем-нибудь.

Пандора послушно протянула коню зеленое яблоко, ладошка девушки почесала ухо скакуна. Крэг-хан принес воду и накидал в кормушки еды.

Солнце почти село, на улице стояла крошечная темень, в окнах дома горел огонь, но не слышался ни единый звук.

– Нам пора, – сказал варвар, беря в руки свою сумку.

Девушка послушно кивнула, еле заметная тень выскользнула в калитку. Крэг-хан, перед тем, как выйти, заглянул в свой кошелек.

Когда молодая пара скрылась за забором, из темного угла двора вышел старик со снаряженным луком в руке. Он нахмурился, оглядывая довольных обихоженных коней.

Тимос работал конюхом всю жизнь, поскольку ухаживать за лошадьми – его призвание. Никто не мог бы упрекнуть старика в том, что он отнесся к подопечным невнимательно, небрежно или без должного уважения. Поэтому сегодня, когда конюх обнаружил похищение, он чуть не свихнулся от горя. Старик даже подумывал о самоубийстве, но не осмелился. Тимос с ужасом представлял, что скажет хозяин, когда завтра утром придет посмотреть на своих питомцев.

Старик уселся в темноте конюшни и горько зарыдал. Каково же было его удивление, когда он услышал до боли знакомый перестук копыт! Тимос схватил лук, тетива натянулась, стрела легла в руку. Старик решил, что выстрелит в первого, кто появится в проходе.

Когда в дверях появилась прекрасная девушка, сердце старика дрогнуло. Следом вошел варвар, стрела задрожала, готовая к полету. Но девушка... такая не стала бы водиться с плохим человеком. А она смотрела на северянина с восхищением, с радостью. Конюх вздохнул и решил повременить.

Варвар принялся вычищать коней, Тимос опустил лук. Ему приходилось встречаться с северянами раньше. Ловкие, работающие, свободолюбивые. Они умели ездить верхом и ценили лошадей по достоинству. Старик наблюдал, как варвар обтер животных, принес еду и воду.

Наконец, девушка вышла на улицу, северянин двинулся следом. В последний момент он остановился, кошель раскрылся, на доску рядом со входом легли четыре монеты. Мужчина выпрямился, его взгляд остановился на Тимосе, того аж дрожь пробрала. Старик схватился за оружие, но когда лук поднялся, варвара уже и след простыл, лишь еле слышно хлопнула калитка.

Старик подобрал оставленные деньги, монеты звякнули в руке.

«Давно не был в Храме, – решил Тимос, – Надо бы принести жертву Зевсу, Аполлону. Да и Артемиде не повредит.»

Он закрыл калитку на все запоры, в конюшне полный порядок. Тимос заковылял в дом.

Сегодня он много нового узнал про других людей, да и про себя самого. День прошёл не зря.

Глава №4

Купец Кохиос водил караваны по Греции. Вozил знаменитые Фессалийские вина, обратно – табак, зерно, ткани. Местность для торговли более чем подходящая!

Порт Коринфа принимал суда со всего Ионического моря, в Пирей и Салоники заходили корабли, бороздящие просторы Эгейского. Торговля шла бойкая, купцы никогда не оставались внакладе.

Дороги Греции считались безопасными, хотя в последнее время до Кохиоса доходили упорные слухи об участившихся разбойных нападениях. Как бы то ни было, нанимать дополнительную охрану купец считал слишком обременительным мероприятием.

Кохиос вел три телеги с товарами, на каждой – возница, он же, при случае, и боец. Купец надеялся, что этого будет достаточно для безопасного путешествия, предполагал держаться людных мест и проторенных дорог.

И все же Кохиос обрадовался, увидев в толпе знакомое лицо. Свежее летнее утро стало еще радостнее и приятнее.

– Ба! Какие люди! Хилон! Ты ли это? – возопил купец, перекрикивая уличный гам.

– Досточтимый Кохиос! Рад тебя видеть!

– Давай скорее сюда! – Кохиос указал на место рядом с собой.

Вскоре мужчина, пробившись через поток прохожих, уселся напротив купца. Облучок телеги позволил обоим устроиться с комфортом, теперь знакомцы могли спокойно пообщаться, не срываясь на крик.

– Куда путь держишь? – спросил тот, кого звали Хилоном.

– Известно куда, в Афины! – с гордостью ответил купец, – Говорят, там поднялся невообразимый спрос на темную ткань! Я рассчитываю просто озолотиться!

– Что ж, надеюсь, Гермес тебе поможет.

– А как же! Я молюсь Богу торговли регулярно, мои приношения щедры.

– Рад слышать. Ну раз уж нам по пути, надеюсь, ты не против, если я составлю тебе компанию?

Кохиос расплылся в улыбке, ведь именно на такой поворот событий он и рассчитывал.

– Конечно, мой друг! Твое общество скрасит время, путешествие из унылого превратится в интересное.

Купец внимательно оглядел своего товарища.

– Сколько же мы не виделись? Ты изменился, Хилон. Что за одежда? Ты что, стал монахом?

– Давненько-давненько! – усмехнулся попутчик, – И нет, я не монах, хотя можешь называть меня и так. Скорее – ученый, философ.

– Что случилось? С чего ты вдруг подался в религию?

– О! Это долгая история. Я встретил великого человека и его знания изменили меня.

– Надеюсь, ты мне расскажешь. Времени у нас достаточно!

Телеги встали в длинную очередь, что выстроилась у ворот Коринфа. Таможенники строго досматривали каждую повозку, проехать разрешалось только после уплаты определенной пошлины.

– Так что, говоришь, за учение ты теперь исповедуешь? – заинтересовался купец.

– Я – пифагореец.

– Ха! Новомодная секта, к которой, по слухам, сам Пифагор не имеет никакого отношения.

– Не стоит доверять всем слухам, друг мой.

– Ну, я гляжу, тебя учение здорово зацепило. А ведь когда я видел тебя последний раз, ты был воином, причем из лучших, – Кохиос задумался, продолжая разглядывать собеседника, – Хотя, глядя на тебя, мне кажется, что ты, при желании, и сейчас шутя раскидал бы всю стражу, а меня самого зашвырнул на крышу близлежащего кабака.

Хилон улыбнулся.

– Приятно слышать твою похвалу, Кохиос, хотя ты, конечно, как обычно преувеличиваешь. Я лишь скромный ученый, путешествующий в поисках новой мудрости.

Кохиос вернулся к управлению повозкой, а Хилон с улыбкой рассматривал прохожих и приближающиеся ворота Коринфа. После душной ночи в тесной комнатке постоялого двора так приятно оказаться на свежем воздухе, в дороге!

Утро заканчивалось, солнце припекало нещадно, днем, вероятно, жара будет докучать путникам всерьез. Пока прохлада еще держалась, горожане спешили по делам. Мужчины с корзинками и тубусами, женщины с сумками и кувшинами, дети со смехом и беззаботностью. Лавочники поспешно открывали магазинчики, кое-где уже вовсю шла бойкая торговля. Кабаки и таверны принимали первых утренних посетителей. Городская жизнь кипела.

Краем глаза Хилон заметил движение. Монах незаметно скосил взгляд, его взору предстали темные, чуть заметные силуэты, показавшиеся из переулка. Две тени молниеносно, пока никто не смотрел в их сторону, метнулись к дороге, повозку едва заметно качнуло, когда они укрылись среди многочисленных товаров. Кохиос ругнулся, его глаза обшарили телеги, но ничего подозрительного он не заметил. Хилон задумчиво почесал подбородок.

– Скажи, Кохиос, веришь ли ты в предназначение?

Купец недоуменно уставился на монаха.

– Ты? Спрашиваешь меня? Верю ли я? В предназначение?! Да я совершенно точно уверен, что оно существует! Дела каждого человека записаны в Книге Судеб, а жизнь длится, пока мойры плетут нить свершений. Дрогнет рука Айсы, оборвется священная нить, смерть придет за тобой, где бы ты не прятался.

Монах удовлетворенно кивнул.

– Но что насчет свободы выбора? Если все твои деяния уже учтены и записаны, стоил ли напрягаться, мучиться, предпринимать хоть что-то? Ведь судьбу все равно не изменить.

– Ты прав, Хилон, как-то раз я размышлял об этом. Вся штука в том, что никто не может прочесть книгу судеб и предсказать, что будет дальше.

– А как же Дельфийский Оракул? Пифии?

– Ну, не мне тебе рассказывать, насколько их предсказания темны. Порой их можно толковать в обе стороны одновременно. Так что, я считаю, будущее неведомо никому.

– Ты хочешь сказать, что свобода воли заключается в отсутствии знаний о грядущем?

Купец задумался, губы сжались, морщины пересекли широкий лоб.

– Твои слова слишком заумны для меня! – рассмеялся он, наконец, – Хотя я уверен, что ты прав. Но к чему все эти вопросы?

– О, не беспокойся, это личное. Слишком много совпадений в последнее время, простой случайностью их не назовешь.

– И ты пытаешься объяснить все с помощью новых знаний, – Кохиос искоса глянул на монаха, – Так в чем суть учения Пифагора?

– В числах!

– В числах? Как это? – удивился Кохиос.

– Ну, ты же знаешь счет?

– Я купец, Хилон. Конечно, я умею считать.

– Хорошо. Какое самое первое число?

– Единица?

– Правильно. А что оно означает?

– Хм... Одно яблоко, одна бутылка вина... Значит других нет... Что ты еще хочешь от меня услышать?

– Ты во всем прав, но пифагорейцы на этом не останавливаются. Мы считаем, что единица – не просто число, не мера количества, но и причина единения, по сути это сила, которая делает нечто единым, неразделимым.

– Я не совсем понял, – покачал головой Кохиос, – Ну а, например, двойка?

– Двойка – причина раздвоения, разделения, разлада. Это та сила, что делит мир пополам и дает, в конце концов, все то разнообразие, что ты видишь вокруг.

– Не понимаю... а другие числа? Получается, у каждого есть свое значение?

– Можно сказать и так. Подумай вот о чем: для тебя число – это просто сумма определенного количества единиц, я же считаю, что число, скорее, является некоей силой, которая суммирует данные единицы в целое и, соответственно, придает ему известные свойства.

– Хилон, ты меня в конец запутал! – Кохиос помотал головой, собираясь с мыслями, – Пусть все так, как ты говоришь. Допустим. Но что это означает на практике? Чего такого невероятного дают тебе эти знания, чего не имею я?

Хилон задумался, какое-то время приятели помолчали. Телега потихоньку продолжала путь к воротам, солнце поднялось выше, в стенах города не ощущалось ни единого дуновения.

– Как ты думаешь, человек – это единица или двойка? – спросил монах, взглянув на собеседника.

– Конечно единица. Мы же сами по себе. Ты один и я один.

– А почему тогда у тебя две руки, две ноги, два глаза? Разве может сумма двоек дать единицу? – Хилон хитро прищурился.

Теперь призадумался Кохиос, правда много времени ему не понадобилось.

– Зато у меня один нос, один рот, один живот. Да и человека с двумя херами я пока что не встречал!

Хилон засмеялся.

– Вот за это я тебя уважаю. Даже философский диспут ты умудряешься свести к обсуждению членов!

Купец улыбнулся, довольный произведенным эффектом. Как раз в этот момент настала, наконец, очередь Кохиоса проходить досмотр. Он степенно остановил телегу в положенном месте, дожидаясь, когда подойдет таможенник.

Но вот чего купец совсем не ожидал – того, как повел себя Хилон.

Монах вежливо подозвал капитана поста поближе, излучая своим видом честность и наивность.

– Не стоит досматривать телеги досточтимого купца, – убедительно произнес Хилон, – В них нет ничего интересного, а мы сильно торопимся.

Кохиос чуть не поперхнулся от подобного обращения, опытный взор купца отметил момент, когда полновесная монета чудесным образом перешла из руки монаха в ладонь таможенника, да там и скрылась.

Геласий оказался в сложном положении.

Он был честным служакой, возложенные на него обязанности выполнялись четко, точно и в установленный срок. Все сослуживцы об этом знали, начальство ценило верного сотрудника, повышение виднелось уже не за горами. Он никогда не брал взяток, не шел на сделки с совестью, да никто особо и не предлагал. Такие вопросы решались совсем в других местах и с другими людьми.

Предложение монаха застало Геласия врасплох. Как раз сегодня с утра вышел приказ об ужесточении досмотра, искали варвара-беглеца, поэтому таможенник не мог смотреть на три груженные товаром телеги сквозь пальцы.

В тоже время, Геласий знал Кохиоса – хороший, честный купец не стал бы связываться с преступниками. Возможно, он и провозил немного контрабандного товара, но что с того? Кто этим не занимается? Купец своевременно оплачивал все необходимые налоги и взносы, с которых, кстати, получал свою долю и Геласий, ну а большего требовать никто не вправе!

К тому же, все произошло так быстро и неожиданно, что прежде чем Геласий смог остановиться и отказать монаху, рука таможенника уже сжимала принятую плату. Он незаметно глянул на монету – так и есть, полноценная мина! – на такие деньги можно жить, причем жить хорошо. Как-то не к месту вспомнилось, что скоро день рождения у молодой жены, Геласий обещал купить ей дорогое украшение.

Пауза затягивалась, с каждой секундой Геласию становилось все труднее расстаться с монетой. Кохиос сидел на своем месте с невозмутимым видом, монах всем видом излучал жизнелюбие и честность. Таможенник взглянул дальше по улице – очередь перед воротами выстроилась знатная.

«Не будет большой беды, если пропустить Кохиоса без досмотра, – решил Геласий, – Он честный малый, как и я. Мы оба лишь делаем свою работу.»

– Проезжайте, – кивнул он купцу, а потом прикрикнул на сослуживцев, – Пропускай! Чего уставились! Скоро очередь до западной стены дотянется!

Кохиос гикнул на лошадей, телега с натугой сдвинулась с места, постепенно набирая ход. Скоро позади остались таможенники, телега прошла через арку ворот, зевающие стражники проводили караван взглядом, купец попрощался с Коринфом, началась долгая дорога в Афины.

Хилон сидел с довольным видом, краем глаза рассматривая купца. Когда тот повернулся и открыл рот, собираясь забросать приятеля вопросами, монах легко опередил собеседника.

– А ты знаешь, что Пифагор был чемпионом олимпиады по панкратиону?

– Что? – сбился Кохиос, – По кулачным боям? Ты сейчас точно говоришь о том самом Пифагоре? Ни с кем не путаешь?

– Может и путаю, – ничуть не смутился Хилон, – Но вот что мне известно достоверно: когда враги окружили и подожгли дом Пифагора, он выскочил им навстречу с мечом в руках! Собственноручно прорубил путь к свободе для себя и своих домочадцев.

– Так поступил бы любой мужчина на его месте, – кивнул Кохиос.

– Я лишь хочу сказать, что мудрость и знания – не обязательно признак телесной слабости. Верно и обратное: здоровое сильное тело отнюдь не означают отсутствие ума.

– Глядя на тебя, я уверяюсь в этом все больше!

Кохиос поглядел вперед, на дорогу, Коринф постепенно скрылся вдали, Хилон слегка повернул голову. Две молниеносные тени отделились от телеги, шевельнулись придорожные кусты, скрыв беглецов. Монах улыбнулся своим мыслям.

Купец собрался было приступить к расспросам, но его отвлекло появление всадников.

Кохиос обернулся, наблюдая, как конный отряд идет бодрой рысью со стороны города. Поравнявшись с телегой, всадники подозрительно оглядели купца, ни единого слова не сорвалось с их уст, свежие кони легко обогнали медленный караван.

– Темные доспехи, острые мечи, тоже мне, всадники смерти, – буркнул Кохиос под нос, – А знаешь, кто их предводитель?

– Кто же?

– Сам Эсхин Сикионский.

– Эсхин... Что они тут забыли?

– Спроси чего полегче. Может, ищут кого ограбить, – Кохиос хохотнул без особой радости в голосе.

– Я ведь знал Эсхина раньше, – задумчиво произнес Хилон, – И почему-то у меня есть чувство, что мы встретимся вновь.

– Встретитесь – в смысле подеретесь?

Хилон неопределенно пожал плечами.

– Не советовал бы я тебе пересечься с ним на узкой дорожке, – купец глянул на монаха с грустью, – Я ведь знаю тебя. Несмотря на все пифагорейские речи, ты – воин, хороший, из лучших. Возможно, великий. Но этот Эсхин – особое дело. Таких, как он, больше нет. Сказывают, сам Арес учил его владеть мечом. Да и на кулаках... твоего Пифагора он разделал бы одной левой.

Кохиос на минуту замолчал.

– Пойми меня правильно, в бою с разбойниками я без колебаний доверил бы тебе спину, – продолжил он задумчиво, – Будь ты моим телохранителем, я был бы совершенно спокоен за жизнь. Но в поединке с Эксином... Прости, Хилон, я бы поставил на него. Ты – лучший воин среди людей, но противостоять полубогам не в силах ни один смертный.

– Кто знает, мой друг, кто знает... – голос монаха прозвучал ровно и спокойно.

Крэг-хан пробирался по лесу, прокладывая путь для себя и Пандоры. Не то чтобы перед ними лежала непролазная чаща, нет, для пешего путешественника пройти через заросли не составляло особого труда. Но северянину нравилось идти чуть впереди своей спутницы, это создавало иллюзию, что главный в их кампании он.

Крэг-хан раз за разом спрашивал себя, на кой ляд он поперся вместе с этой девкой? Казалось бы, все ясно – он спас ее, она спасла его. Всё, все в расчете, квиты, долги отданы. Попрощались и разбежались. У каждого свой путь, свои цели, свои враги, если угодно. Так почему же увязался, зачем напросился в провожатые? Может бессонная ночь, проведенная в самых темных и жалких кварталах Коринфа, повредила рассудок?

Но нет, удержало нечто другое, необычное, ранее не виданное, в чем он боялся признаться. Пандора пробуждала в суровом варваре то, чего никогда не ведал в себе, на что думал не способен. Это пугало, сердце билось чаще, по коже то и дело пробегали мурашки. Ощущал себя неловким огромным увальнем, да еще и костным на язык.

«Ладно, отведу девчонку в безопасное место, – решил Крэг-хан, – Там и оставлю.»

Где-то глубоко в душе он понимал, что безопасное место может быть далеко. А может его и вовсе нет во всем свете.

Варвар оглянулся, девушка значительно отстала, стройная фигура почти затерялась среди деревьев. Крэг-хан уселся на упавший трухлявый ствол, потянулось время ожидания.

– Извини, я не могу идти так быстро, – Пандора запыхалась, слова вырывались из измятого ротика попеременно со сбитым дыханием.

Варвар указал девушке на ствол неподалеку, она уселась. Крэг-хан развязал котомку, на свет явилась небольшая фляга и стопка галет. Он протянул пищу Пандоре, девушка с благодарностью принялась за еду.

– Скажи мне еще раз, почему нам нельзя просто отправиться в Афины вместе с караваном? – угрюмо спросил варвар, – Признаю, из Коринфа мы выбрались ловко, хотя... если бы тот монах не всучил стражнику взятку, все могло повернуться по-другому. Но вот дальше... К чему убегать? Зачем тащиться через лес, если можно катиться в телеге? Ну да, я сбежал с плахи, избежал казни. А перед этим разбил парочку лихих голов. Согласись, не те преступления, чтобы разыскивать?

– Тебя и не будут специально искать, – кивнула Пандора, – А вот меня...

– Ты-то что натворила?

Девушка сделала глоток воды, обдумывая ответ.

– Меня ищет Эсхин.

– Эсхин? Тот здоровяк в темных доспехах? – варвар потер висок, где красовалась здоровая шишка.

– Да. И этот, как ты говоришь «здоровяк» – мой отец.

Крэг-хан почувал, что сказала она далеко не все, но не в его правилах было лезть в чужую душу с расспросами.

– Допустим, он тебя ищет. Вышлет отряд, сам поедет на поиски. Что с того? Мы могли бы спокойно идти по дороге или даже ехать с караваном. А увидели бы погоню – спрятались.

– Не все так просто... Эсхин, у него есть волшебный дар. Он будто чувствует, где я нахожусь, может найти хоть за тридевять земель. Ты не задумывался, как он оказался именно в той таверне?

Варвар помотал головой.

– Он ищет меня, и обязательно найдет, вопрос лишь в том – когда. Поэтому лучше не задерживаться на одном месте.

Крэг-хан усмехнулся, распрямляя ноги. Фляга и припасы снова оказались в котомке, та взлетела на спину варвару.

– Пошли! – скомандовал он.

Пандора вскочила, догоняя мужчину.

– Ты мне не веришь? – спросила она, – Насчет Эсхина?

Крэг-хан крепко задумался.

– Я видел однажды, как македонцы принесли в жертву сотню быков, чтобы получить благословение своего бога, – медленно проговорил варвар, – Я видел, как ведьма впадает в исступление и скачет на раскаленных углях, не чувствуя боли. Однажды шаман моего племени проклял человека, и, послушная его воле, ударила молния, бедолага сгорел дотла. Так почему бы мне не поверить, что у человека может быть нюх, как у ищейки?

– Эсхин не ищейка!

– Да ну?

– Он благородный правитель! И непревзойденный воин!

– Пряма-таки и непревзойденный?

– Тебе до него далеко! – слова только слетели с губ девушки, а она уже успела пожалеть, что открыла рот.

Варвар резко развернулся, схватив за руку, но ладонь девушки изящно выскользнула из жестких пальцев.

– Не смей! – крикнула она надвигающемуся мужчине.

Он протянул руку, Пандора увернулась от захвата, северянин рыкнул, ухватив за плечи. Девушка скользнула ужом, тонкое тело мелькнуло между рук мужчины, она оказалась за спиной варвара.

– Не трожь! Эсхин обучил меня сражаться...

Конец фразы потонул в хрипе, потому что стальная ладонь обхватила нежное горло, девушка вздернулась над землей.

– Не указывай мне, что делать, женщина! – произнес Крэг-хан с гневом, – А не то... выпущу тебе кишки!

Он разжал пальцы, Пандора упала на траву, закашлявшись. Гнев тут же отступил, накатило раскаяние. Крэг-хан сказал вовсе не то, что хотел, да и хватать ее желания не было, сама раззадорила. Теперь варвар ощутил себя полнейшим дураком.

Нагнувшись, он одним движением поставил девушку на ноги.

– Извини, – буркнул не глядя, и, не зная, что еще добавить, двинул в лес.

Его шаги привычно ускорились, Пандора отстала, видя спину варвара лишь урывками.

Они шли весь остаток дня. Девушка устала, ноги еле передвигались, варвар ушел далеко вперед, пропав из вида. Пандора уже не была уверена, в нужную ли сторону движется. Сгущались сумерки, девушка все чаще задумывалась, не остановиться ли прямо тут, на месте.

Лес закончился, когда Пандора уже валилась с ног. Деревья разошлись в стороны, перед взором девушки предстал широкий водный простор. Неподалеку, на маленькой полянке сидел северянин, горел уютный костер, на огне жарилось мясо птицы.

Пандора подошла к огню и со стоном опустилась на землю.

– Что это? – она указала на воду.

– Сароникос, – тихо ответил варвар.

– Море? Значит, мы сможем уплыть отсюда?

– Интересно, на чем?

– Мы найдем лодку!

Крэг-хан помолчал. В его племени считалось неприличным спорить с умалишенными, детьми, стариками и женщинами.

– Если бы у нас была лодка, мы могли бы добраться до Саламина. Оттуда перебраться в Пирей. От Пирея до Афин – рукой подать, – проговорил он, наконец, – Если уж ты так хочешь попасть именно в Афины.

Варвар снял с огня приготовленное мясо, какое-то время путники были заняты едой. Неподалеку нашелся пресный ручей, воды было вдоволь.

После трапезы сидели молча. Крэг-хан чувствовал себя не в своей тарелке, Пандора жалась, не зная, что делать.

– Прости за то, что я тогда сказала, – девушка первая нарушила тишину, – Просто... вы оба воины, вы такие большие и сильные... но все же Эсхин тебя побил...

Крэг-хан невесело рассмеялся.

– Никакой я не воин.

– Как это?

– Старейшины племени не сочли меня достойным.

– Но кто же, если не ты? Мне кажется, я не знаю никого достойнее... – девушка смутилась и последние слова произнесла почти шепотом.

– Воин – не просто человек, умеющий убивать, – скучным тоном процитировал варвар, – Воин должен понимать, за что бьется, уметь сдерживать злость, контролировать ярость. А я этого никогда не умел. Потому и оказался... недостойн. По законам племени я не могу носить оружие – ни меч, ни секиру, ни молот. Лишь нож и кистень – чтобы защищаться от разбойников.

Двое сидели в тишине, глядя на догорающее пламя. Вдалеке шумело море, с другой стороны слышались звуки леса. Вокруг опустилась темнота, на небе появились первые звезды, подул прохладный ночной ветер.

– Когда я был мальчиком, я подрался со своим другом, – произнес варвар глухим голосом, – У нас часто дерутся, особенно дети. Но никогда это не кончается чем-то серьезным. Тот парень... он был старше меня на пару лет и крепко отдубасил. Я упал, а он продолжал пинать ногами, снова и снова прыгал сверху, норовя стукнуть побольнее. Тогда это случилось в первый раз. Я озверел. Схватил камень и ударил врага в висок. А потом молотил, пока голова не превратилась в кровавое месиво.

Пандора сидела тихо, ошарашенная жестокостью рассказа. Крэг-хан покосился на нее. Если бы девушка сказала хоть слово, магия момента тут же бы разрушилась. Но она молчала, и северянин продолжил историю.

– Меня судили и признали невиновным, поскольку я защищался. Но с тех пор никто не хотел со мной дружить, люди обходили стороной. А вспышки ярости никуда не делись. Злость, что невозможно контролировать, еще не раз толкала меня на худые дела. Помню, отец сказал: «Лишь укротив ярость и научившись себя контролировать, сможешь стать настоящим воином!» Тогда я посмеялся над ним, но чуть позже совет старейшин повторил то же самое, почти слово в слово.

– Что было дальше? – чуть слышно спросила девушка.

– Снедаемый обидой, одержимый яростью, я ушел из племени. И вот я здесь, – варвар развел руками.

Огонь угас, только угли продолжали едва тлеть в кромешной тьме. Крэг-хан приподнялся, чтобы подбросить дров.

– А что... с твоей злостью? Она угасла? Ты все еще жаждешь стать воином? – мягко спросила Пандора.

Крэг-хан посмотрел на девушку, она зарделась, ладошки закрыли прекрасное лицо.

– Я всегда мечтал стать великим... воином, – проговорил варвар смущенно, – Подобным Аресу или Гераклу. Но сейчас, здесь, я освободился от этого... Странно, но рядом с тобой я не чувствую злости, ярость ушла бесследно. И мне не хочется... никого убивать.

Пандора опустила руки, взгляды молодых людей встретились.

– Я думаю, ты гораздо лучше, чем сам о себе думаешь, – прошептала девушка, – И ты... можешь стать великим.

– Геракл совершил двенадцать подвигов! Он...

Ладошка Пандоры опустилась на плечо северянина, тот замолчал на полуслове.

– Геракл великий воин, бесспорно, – мягко кивнула девушка, – Его подвиги достойны легенд. Но ты, вероятно, забыл, что перед этим, в припадке безумия он убил восемь своих сыновей. Он убил учителя музыки лишь за то, что тот упрекнул Геракла в невнимательности. Убил Ифита, своего гостя, за беззлобную шутку. Сколько еще душ Геракл отправил в царство Аида? Можно ли гордиться подобными деяниями? Это ли поступки великого человека?

Крэг-хан потрясенно замотал головой.

– Что ты хочешь мне сказать, женщина?

– Я лишь говорю, что великий человек и великий воин – не одно и то же. Подумай хорошенько, так ли уж важно для тебя превзойти всех в искусстве убивать?

Пандора замолчала, ее голова то и дело опускалась, глаза закрывались сами собой. Крэг-хан уселся поближе, чтобы согреть девушку, плащ бережно укрыл тонкий стан Пандоры от ночного холода.

Варвар погрузился в необычную для него задумчивость, слова девушки всколыхнули что-то в душе. Постепенно задумчивость переросла в сонливость. Глубоко зевнув, северянин задремал.

В лесу громко хрустнула ветка. Через секунду Крэг-хан стоял на ногах, плащ отлетел в сторону, девушка, вскрикнув, свалилась на землю. В руках мужчины сверкнуло оружие, сонливость как ветром сдуло, на лице появилась решимость и готовность сражаться насмерть.

Глава №5

Тарас порой так долго жил один, что начинал забывать человеческую речь. Вообще-то он любил болтать, но вот людей недолюбливал. Потому бурчал под нос, слова складывались в предложения, но чтобы поговорить с кем-то другим – такое случалось редко. Старика устраивало, настороженность и предвзятость стали второй натурой. Будь воля Тараса – он бы вовсе не вылезал из леса, ведь тут тихо, спокойно, никто не жаждет надурить или продать в рабство.

Все же иногда приходилось делать вылазки в город, к торговцу. Охотник относил добытые шкуры, взамен получал припасы, вещи и оружие – все то, что в лесу не найти.

Нельзя сказать, что Тарас был счастлив, скорее – доволен жизнью. Для счастья не хватало чего-то... этакое. Может, цели или еще какой заумной субстанции. Старик не особо задумывался, его вполне устраивало тихое одинокое существование.

Люди забредали в лесную глухомань редко и, в большинстве, по ошибке. Однажды Тарас спас потерявшуюся девочку, порой встречались заплутавшие грибники или странники. Частенько в лесу хоронились лихие люди.

За долгие годы, проведенные на природе, старик научился передвигаться по лесу бесшумно и незаметно, ориентировался, как у себя дома. Тарас мог скрытно подобраться к лагерю чужаков, хорошенько осмотреться, даже послушать разговоры. А уж потом решал – то ли помочь путникам, то ли оставить, как есть, то ли завести в ловушку и перебить по одному.

Старик неприятно удивился, завидев чужой костер в опасной близости от своей хижины.

«Старею, – подумал он, – Теряю чутье, хватку. Скоро можно будет взять голыми руками.»

Несмотря на сгущающуюся тьму, Тарас собрался, тихие упругие шаги понесли старого охотника сквозь лес. Он подобрался к костру с подветренной стороны, незаметно, заросли надежно укрыли от глаз. Тарас наблюдал, стараясь не упустить ничего.

Странная компания – молоденькая девчушка, городская, холеная, лошенная, и могучий воин, явный варвар, из северных краев. Поначалу Тарас решил было, что мужчина заполучил спутницу силой, но нет – сидели вместе, рядом, в глазах девушки ни следа страха, скорей наоборот – радость, симпатия, если не больше... Северянин тоже хорош: не прикрикнет, не пристаёт, только вот укрыл плащом девичьи плечики. О чем говорят – не разобрать, слишком далеко, да и голос не повышают. Необычная парочка.

Время шло, костер догорал, разговор затих сам собой, девушка задремала, варвар склонил голову в полудреме.

«А пусть себе сидят, – решил Тарас, – Не мешают, да и пес с ними!»

Приняв решение, охотник сделал шаг назад. Но то ли тело устало от долгой неподвижности, то ли сам начал засыпать, то ли, действительно – старость, уйти незаметно не получилось. Под ногой предательски хрустнула сухая ветка, звук в лесной тиши разнесся четкий, характерный, Тарас прикусил губу от разочарования.

Северянин вскочил на ноги сразу, моментально, будто только и ждал сигнала к действию. В руках – оружие, в глазах – ярость и готовность убивать. Хоть и не видит старика, но направление на слух уловил точно, взгляд прожигает заросли, где засел охотник. Тарасу стало страшновато, колешки затряслись, почудилось, что уйти тихо не получится. Язык облизнул разом пересохшие губы, старик прочистил горло, обдумывая слова.

– Спокойно, воин! Я тут один и совсем не опасен, – голос прилетел из лесной темноты, заставив Пандору вздрогнуть.

– Коли так, выходи на свет, – Крэг-хан даже не подумал опускать оружие.

Небольшая пауза и снова тот же голос.

– Я выйду, конечно, но ты, северянин, будь добр, придержи свою ярость. Не хотелось бы сразу оказаться с ножом в горле!

Нарочито громко зашумели раздвигаемые ветки, прошуршали шаги, темный силуэт шагнул в круг света.

Нежданный ночной гость оказался стариком, седым, как лунь. Морщинистое лицо; широкая спина, согнутая солидным возрастом; длинные руки, с большими мясистыми ладонями. Одежда выдавала в нем охотника, хотя оружие отсутствовало напрочь. В одной руке старик держал обструганный посох, в другой – не запаленный светильник.

– Кто ты и что тут делаешь? – спросил Крэг-хан, подозрительно разглядывая гостя.

– Звать меня – Тарас, – спокойно ответил старик, – У меня тут хижина неподалеку, – он беспечно махнул рукой за спину, – Охочусь, промышляю всякое зверье. Продаю шкуры торговцу. Вот увидел костер, решил прийти, посмотреть – кого занесло ко мне в глухомань?

Пандора испуганно перевела взгляд с Тараса на варвара. Крэг-хан опустил нож, но руки не расслабились, тело воина все еще было готово к бою. Девушка неслышно приподнялась, в костер полетела охапка хвороста, Пандора невзначай переместилась за спину северянина.

– Ну вот ты и посмотрел, что теперь? – недоверие в голосе варвара никуда не делось.

– Хм... Ну я думал... Хижина у меня не большая, но на троих места хватит.

Крэг-хан задумался, вглядываясь в темноту. Охотник ему понравился, но природная подозрительность не позволяла принять приглашение сходу.

– А ты всех встречных-поперечных в гости зовешь?

– Зачем же всех? – удивился Тарас, – Я ж говорю: посмотрел сначала.

– А идти-то далеко?

– Дык... с полчасца точно, – видя сомнение на лице варвара, старик тут же добавил, – Но все лучше, чем в лесу ночевать!

Крэг-хан повернулся к старику спиной, нож варвара скользнул в ножны, Пандора поймала вопросительный взгляд.

– Я дойду, – тихо кивнула девушка.

Варвар подхватил немногочисленные пожитки, сильная рука помогла Пандоре подняться, плащ бережно укрыл хрупкие плечи.

– Веди! Только будь добр, зажги светильник. А то, неровен час, заблудимся.

Тарас наклонился над костром, в светильнике заплесал ровный огонек. Удовлетворенно кивнув, старик двинулся через лес длинными упругими шагами. Крэг-хан шел следом, держа девушку за руку, чтобы не отставала.

Пандора плохо помнила марш через ночной лес. Поначалу она шла бодро и уверенно, но вскоре силы ее оставили. Мужчина тянул за руку, иначе Пандора не успевала. Варвар с тревогой оглянулся на спутницу, рука обхватила девушку за плечи, направляя шаги. Так они прошли еще какое-то время, пока Пандора не выдохлась окончательно. Глаза слипались, ноги подкашивались, руки безвольно болтались вдоль тела.

Крэг-хан, не говоря ни слова, подхватил девушку на руки. Несмотря на дополнительную ношу, его дыхание не сбилось, шаг остался ровным и быстрым, он легко поспевал за стариком. В другое время Пандора бы запротестовала, но сейчас девушке было не до того. В сильных руках стало тепло и уютно, веки сомкнулись, разум погрузился в сон.

Пандору разбудил вкусный запах готовящейся снеди, желудок призывно заурчал, девушка поняла, что проголодалась. Она осмотрелась.

Совсем крошечная спальенка, где едва хватило место узкой кровати. Теплое одеяло, полуприкрытая форточка, поставляющая свежий воздух. Вокруг бревенчатые стены, вместо двери – ширма из тонкой ткани. За ширмой слышался звон посуды, доносилось стариновское бормотание Тараса.

Пандора аккуратно заправила постель, руки раздвинули ширму, любопытный взор пробежался по дому.

Гостиная, она же кухня – в доме больше ничего и не было, лишь общая комната да спальня. В центре, у стены, горел миниатюрный очаг, на плите поспыхивал котелок, источающий вкусные запахи, охотник кашеварил с довольным видом.

На секунду девушка испугалась, не увидев северянина, но тревога тут же испарилась. Уже долго до ушей долетал размеренный стук, девушка настолько к нему привыкла, что не обращала особого внимания. Только теперь до нее дошло, что это звук топора, встречающегося с деревом.

– Доброе утро! – приветствовал Тарас, обернувшись, – Как спалось? Можешь выйти, умыться. Вода у колодца, в ведре, правда холодная. Каша будет готова минут через десять.

– Спасибо, – улыбнулась девушка.

– Варвар не захотел ложиться с тобой, хоть я и предлагал. Спал у входа, караулил, знает, – старик указал на свернутую циновку.

Пандора покраснела, а Тарас продолжал, совсем не заботясь, слушают его или нет.

– Слыхивал я про таких, как он. Всякое болтают. Любят природу, живут свободно, в лесу себя как дома чувствуют. А еще говорят, варвары в постели неутомимы.

Он вопросительно глянул на девушку, а та в замешательстве опустила взор.

– Мы... не делим постель, – пролепетала она.

– А что так? – удивился дед, – Я же видел, как он на тебя смотрит! Ты гляди, не упусти красавца! Только пальцем помани и твоим будет!

– Спасибо за совет, – краска залила лицо девушки, Пандора вылетела во двор, стгорая от смущения.

Она прошла к колодцу, ведро с ледяной водой отыскалось на чурбачке. Руки сунулись в воду, девушка едва сдержала вскрик, непривычный холод свел пальцы судорогой. Пандора плеснула на лицо, приятная утренняя свежесть прогнала остатки сонливости.

Крэг-хан колот дрова, его спина блестела от пота, руки летали вверх-вниз. Тяжелый колун, казавшийся невесомым в ладонях варвара, поднимался, на миг зависая в верхней точке, и падал на очередное полено, разбивая его пополам. Тотчас на месте расколотого появлялось новое и опять – удар!

Северянин работал легко, изящно, с осознанием собственной силы. Топор опускался ровно в то место, куда наметил опытный глаз. Второго удара не требовалось.

«С такой же легкостью он мог бы крушить головы врагов», – с дрожью подумала девушка.

Она невольно засмотрелась на мужчину, его широкую спину, могучие плечи, перевитые мышцами руки. Мускулы под загорелой кожей перекачивались, эта игра завораживала. Пандора ощутила легкое возбуждение, внизу живота разлилось приятное тепло, кровь ударила в голову.

Холодная вода помогла отогнать неприятные мысли. Девушка хорошенько умылась, ладони оттерли личико, повязка заново перехватила скомканные волосы. Наведя марафет, Пандора прошла в дом.

Старик неторопливо помешивал ложкой в котелке, девушка уселась за стол. Они разговорились.

Тарас оказался на удивление приятным собеседником: мог поддерживать разговор на любую тему, его истории завораживали неожиданным финалом, шутки заставляли смеяться. Мало того, что старик любил поговорить, он еще умел и слушать. Ему сразу удалось расположить к себе девушку, стеснение и неловкость ушли прочь.

Тарас ничего не выпрашивал, не выпытывал. Нужное слово само срывалось с языка, уточняющие вопросы и восторженные восклицания выдавали неподдельный интерес, во взгляде виднелось сопереживание.

Пандора разоткровенничалась. Сама не заметила как, слово за слово, история бегства из Коринфа развернулась перед Тарасом во всех красках.

– Эсхин, значит, – пробормотал охотник, – Страшный враг!

– Куда уж страшнее, – раздался ледяной голос от двери.

Пандора вздрогнула, обернувшись. Она вдруг вспомнила, что стук топора стих несколько минут назад.

Варвар прислонился к двери, напрягшись, как перед битвой. Мощные мышцы живота поднимались в такт дыханию, колун в руке застыл, готовый к удару, от разгоряченного тела пахло потом и злостью. Лицо ожесточилось, ледяные глаза испытующе буравили старика.

– Что случилось?

– Помолчи! Ты и так наболтала лишнего!

Пандора вздрогнула, страх липкими щупальцами расползся по телу, в голове лихорадочно скакали мысли. Только теперь представилось, что, возможно, совершенно зря разоткровенничалась с первым встречным.

Тарас тяжело вышел вперед, выпрямившись, насколько позволил почтенный возраст.

– Я знаю, о чем ты думаешь, паренек.

– Да ну? Ясновидящий что ли? – усмехнулся Крэг-хан.

– Не обязательно быть колдуном, чтобы разбираться в людях, – пояснил старик, – Особенно, когда за плечами долгая жизнь.

Взгляды мужчин скрестились, Тарас старался ни в чем не уступить молодому противнику.

– Ты думаешь, не зарубить ли меня прямо сейчас? Чтобы я никому не смог поведать вашу изумительную историю. А она действительно заслуживает внимания. Учитывая, что ты – беглый преступник, а за прекрасной девушкой охотится сам Эсхин Сикионский, известный также под прозвищем Смертоносный.

Рука варвара, держащая топор, сжалась так, что побелели костяшки. Торс напрягся, глаза превратились в щелки. Пандора еле слышно вскрикнула, показалось, что Крэг-хан ударит прямо сейчас.

– И что бы ты сделал на моем месте, старик?

Тарас сглотнул, струйка пота скатилась по лбу.

– Смотри сам, парень. Когда-то, во времена юности, я был солдатом. Сражался за Грецию, за Афины, за Свободу. Всегда найдется за что проливать кровь. Со временем, меч притупился, руки стали не столь быстрыми, сила ушла вместе с молодостью. И оказалось, что никому я не нужен – ни Греции, ни Афинам, ни, тем более, всем тем, чью свободу так прилежно отстаивал.

Голова старика повернулась, он смачно сплюнул на пол хижины.

– Меня выбросили прочь, списали, без жалования, без содержания. Крутись, как хочешь, а не хочешь – помирай! Теперь понимаешь, что я, мягко говоря, не очень-то люблю официальную власть. Не стану я им помогать и стучать на вас.

Тарас перевел дыхание, сбившееся от длинной речи.

– Что же до Эсхина... Я встречал его... Давно, лет двадцать назад. Он тогда еще был молодым безусым юнцом, – старик задумался, погрузившись в воспоминания, – Так вот, скажу честно, он меня не напугал. Думаю, не заставит трястись от страха и сейчас.

Пандора взглянула на охотника, тот говорил вполне искренне, но варвар смотрел все также холодно.

– Не знаю, что еще сказать. Клянусь Зевсом, я никому не скажу про вас ни слова!

Старик застыл на месте, замолчав. Крэг-хан шумно выдохнул, топор сверкнул, взлетев к плечу варвара. Девушка вскрикнула, зажмурившись. А когда набралась смелости посмотреть, возле двери уже никого не было.

Тарас обеими руками вытер пот, градом льющийся по лицу, ноги старика не выдержали, он со стоном опустился на табурет. Грудь охотника вздымалась, как кузнечные меха.

– Ну и нагнал он на меня страху, – признался старик, опершись на стол.

– Извините, это я во всем виновата, – пробормотала Пандора и со слезами выбежала на улицу.

Крэг-хан умывался возле колодца. Плескался, фыркал, как молодой жеребец. Мускулистые руки без труда подняли полное ведро, ледяной водопад обрушился на голову и спину варвара.

Девушка не знала, куда деться. Вернуться в дом – не правильно, а заговорить с варваром – страшно. Она неприкаянно подпирала стену, пока Крэг-хан не закончил банные процедуры.

– Прости, я не должна была... – девушка осеклась под взглядом ледяных глаз, – Не злись, пожалуйста.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.